Партия с-р

Документы по истории

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ8
П251

2010

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСК из № 2-го „СОЦІАЛИСТА-РЕВОЛЮЦІОНЕРА"

ЦГ8
П251
Библиотека ИМЭЛ
К.
600/30
ц 12329
Библиотека ИМЭЛ

ДОКУМЕНТЫ

ПО ИСТОРІИ

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВ.

× Совет 5. Парижа, 1909.

Вопрос о террорѣ на V Совѣтѣ Партіи.

Май 1909 год.

ОТ РЕДАКЦІИ.

Печатая в настоящем №, в качествѣ документа, извлеченія из преній по вопросу о террорѣ на V Совѣтѣ Партіи С.-Р., редакція считает необходимым предпослать им краткое чисто-фактическое предисловіе.

Первоначально предполагалось (но, по обстоятельствам, не было осуществлено) изданіе сокращенных протоколов засѣданій V Совѣта Партіи. Самим Совѣтом было избрано особое лицо для подготовленія к печати для этого изданія соотвѣтственных выдержек из стенограмм. Эта редакціонная работа была в свое время закончена. Цѣликом ея результатами и пользуется редакція «С.-Р.», печатая настоящія «извлеченія».

Засѣданію по вопросу о террорѣ предшествовало избраніе докладной комиссіи, в состав которой вошли: два сторонника продолженія террористической тактики и один сторонник пріостановки ея.*) Комиссія предоставила роль докладчика, пользующагося привилегіей заключительнаго слова, представителю анти-террористическаго меньшинства, т. Сѣверскому. Представитель большинства, т. Гарденин, выступил в качествѣ содокладчика.

Всѣ остальныя необходимыя данныя содержатся в нижеслѣдующих «извлеченіях».

---

*) Кромѣ того, для болѣе обстоятельной защиты предложенія о пріостановкѣ террора комиссія пригласила в свою среду одного товарища не из числа членов Совѣта. Он (т. Борисов) участвовал в дальнѣйших засѣданіях Совѣта с правом совѣщательнаго голоса.

1 Кон

000
30

Четырнадцатое засѣданіе Совѣта.

Предс. т. Сергѣев.

Тов. Предсѣдатель. На очереди вопрос о террорѣ. Прошу товарища докладчика начать доклад.

Тов. Сѣверскій. В комиссіи мнѣнія раздѣлились как раз пополам: два человѣка держались одной точки зрѣнія, а два — другой. Комиссія рѣшила первое слово для доклада предоставить той точкѣ зрѣнія, которая предлагает временно пріостановить террористическую дѣятельность. Вот от этой второй половины комиссіи я беру себѣ слово.

Прежде всего я должен обратить ваше вниманіе, товарищи, на то, что не дѣлу Азефа обязан я той точкой зрѣнія, на которой я стою. Гораздо раньше дѣла Азефа мнѣ лично пришлось мотивировать мою точку зрѣнія в одном провинціальном городкѣ Сѣверной Области перед группой эсэров. Там было рѣшено произвести один крупный террористическій акт. Этот акт был пріостановлен, как по совѣту Орг. Бюро, которое однако не мотивировало своего совѣта, так и по совѣту Областного Бюро, которое мотивировало свой совѣт тѣми аргументами, которые я буду приводить здѣсь. Мой товарищ по комиссіи тоже пришел к этому заключенію не послѣ дѣла Азефа. И поэтому мы просим, выслушивая нас, временно забыть совершенно о том, что было дѣло Азефа и спеціальныя осложняющія его послѣдствія, над которыми нам придется остановиться очень ненадолго.

Теперь я перехожу к существу дѣла. Я просмотрѣл всѣ №№ «Зн. Тр.», желая прежде всего провѣрить, правильно ли я понимаю задачи террористической дѣятельности, и совпадают ли мои воззрѣнія на эти задачи с оффиціальными воззрѣніями Партіи. Я убѣдился, что мои воззрѣнія на задачи террористической дѣятельности вполнѣ совпадают с оффиціальными воззрѣніями Партіи, которыя очень хорошо сформулированы в 1-ом и 8-ом №№ «Зн. Тр.» слѣдующими словами:

«Періоды откровенной реакціи... развязывают нам руки как революціонерам, как людям дѣйствія, и создают огромную сочувственную среду для наших систематических вооруженных дѣйствій против правительственнаго защитнаго и боевого механизма власти. А только в таком всестороннем общенародном сочувствіи вся сила террора. Отнимите эту опору, отнимите сочувственный резонанс — и акты террора сдѣлаются

никновеніе маленькихъ инициативныхъ революціонныхъ организацій, если вы хотите только уничтожить подавленное настроеніе в странѣ и вызвать небольшое броженіе и на фонѣ его дать образоваться хорошо организованным маленьким ячейкам, то и в этом смыслѣ вы должны отказаться от надежд на то, что вам удастся этого добиться, по слѣдующим основаніям. Лучшій из авторитетов в области психіатріи, Бехтерев, в своих добавленіях к книгѣ о роли внушенія, производит психологическій анализ состоянія в странѣ в настоящее время, и констатирует, что наступило одностороннее переутомленіе, то самое переутомленіе, на которое всегда с особенной настойчивостью обращал наше вниманіе Михайловскій, которое влечет за собою полную подавленность, и на фонѣ этой подавленности соотвѣтствующія гипнотическія явленія. Полная подавленность и переутомленіе в области, в которой психика человѣка прежде была наиболѣе чутка, полная нечувствительность к убійствам и к смерти, полное отсутствіе страха перед смертью, как своей собственной, так и перед смертью других — вот что все констатирует Бехтерев, и я говорю, что это может каждый из нас констатировать по отношенію к массѣ людей, проживших длительную полосу смертей, экспропріацій и террора. Это особенное состояніе не может быть не учтено нами, и поскольку мы его учитываем, мы должны признать, что даже сильные террористическіе акты не производят в настоящее время никакого впечатлѣнія на русскаго обывателя. Если в 1905 г. убійство генерала Кошелева произвело бы необыкновенное впечатлѣніе, то теперь это убійство одного из наиболѣе жестоких предсѣдателей военнаго суда не производит никакого впечатлѣнія. И я вас спрашиваю: на что вы надѣетесь, собираясь развивать ваш террор? Надѣетесь вы, что вы всетаки получите нужный эффект? Тогда значит вы предполагаете так сильно сконцентрировать террористическую дѣятельность, чтобы всетаки вызвать опредѣленный эффект. Я сомнѣваюсь лично, сможете ли вы при ваших силах достигнуть этого? Может быть, я согласился бы с вами, что, развив до nec plus ultra концентрированный террор, вы смогли бы даже россійскаго обывателя заставить повѣрить во что то, и заставить правительство бояться. Но я не могу предположить, что у вас имѣются для этого средства, и не считая русскаго обывателя подавленным психологически настолько, чтобы на него уже нельзя было совершенно дѣйствовать террористическими актами, я утверждаю, что при наших силах мы превзойти этой границы не можем, и никаких рѣшительных эффектов мы в настоящее время вызвать нашим террором не можем. Я могу напомнить вам простые физіологическіе законы, напримѣр, закон относительно возростанія ощущенія по мѣрѣ возростанія раздраженія, который гласит, что ощущеніе растет не пропорціонально раздраженію, но гораздо мед-

ленніе. Значит, в настоящее время это раздраженіе должно быть слишком сильно, чтобы вызвать хотя бы слабый эффект. Я напомню, что при отсутствіи раздраженія, ощущеніе современем даже от малѣйшаго раздраженія будет страшно сильным, напомню законы о памяти, что то, что остается в ней, пропорціонально только логарифму протекшаго времени. И я скажу: считаясь с дѣйствіем этих психологических законов, нужно признать, что временная пріостановка раздраженія вызываемаго терроромъ, могла бы повести только к тому, что, обезцѣненный в настоящее время, как средство агитаціонное, террор получил бы снова всю свою цѣнность, и может быть даже удвоенную цѣнность. Поэтому я и предлагаю пріостановить временно террор, с тѣм, чтобы современем, успѣвши организовать тѣ инициативныя группы, которыя должны руководить массовым движеніем, начать затѣм полосу самаго сильнаго, самаго концентрированнаго, самаго интенсивнаго террора, когда общество вновь сможет ощущать, когда общество вновь будет нас не знать, и вновь надѣяться и вѣрить, а правительство вновь будет нас не знать и бояться.

Ввиду всего этого я и предлагаю Партіи С.-Р. временно пріостановить террор. Я говорю обо всем этом, как будто бы не было дѣла Азефа, и если вспомнить, что было еще дѣло Азефа, то мои аргументы должны еще в значительной степени усилиться. Послѣ дѣла Азефа мы имѣем у себя полнѣйшую дезорганизацію, мы не можем надѣяться на то, чтобы взять в свои руки руководство массовым движеніем, и даже не можем надѣяться на то, чтобы создать в ближайшее время маленькія единомыслящія партійныя организаціи. В настоящее время нѣт единомыслія в нашей средѣ, а коль скоро нѣт единомыслія, не может быть и единодѣйствія; и единомыслія мы достигнем, только изжив вполнѣ періоді броженія, и не торопясь организуя тѣм временем террор. Дѣло Азефа, кромѣ того, что оно дезорганизовало наши силы, еще посеяло большое недовѣріе к нѣкоторым из террористических выступленій в Россіи. Говорят, что нужно при помощи террора реабилитировать террор. Я думаю наоборот, что при помощи террора можно его окончательно скомпрометтировать. Я знаю, что можно реабилитировать только хорошим террором, но плохим террором можно только скомпрометтировать. Я говорю, что террор не может быть скомпрометтирован, если вы его не скомпрометтируете, и он будет скомпрометтирован, если вы будете пытаться его реабилитировать.

Тѣх, кто мнѣ будет в дальнѣйшем возражать, я прошу не останавливаться совершенно на послѣднем моментѣ, прошу не говорить совершенно о необходимости реабилитаціи террора, якобы скомпрометтированнаго дѣлом Азефа, ибо я предполагаю, что он не скомпрометтирован этим дѣлом. Я прошу только отвѣтить на вопрос, может ли Партія в настоя-

щее время создать террором благопріятную политическую обстановку, т. е. может ли она сейчас террором поднять дух в ком нибудь, и может ли она поставить в настоящее время дѣло террора на такую высоту, чтобы это дѣло оказалось не невыполненным обѣщаніем, а дѣйствительно дѣлом, приводящим к опредѣленным результатам? Если она не знает, что она могла бы сейчас довести до такой интенсивности и концентраціи дѣло террора, чтобы вызвать и дезорганизацію и смятеніе, то пусть лучше она ничего не начинает, а заявит: мы дадим сраженіе тогда, когда мы найдем это болѣе цѣлесообразным для себя; мы не отказываемся от террористической дѣятельности и ни от чего, с чѣм мы до сих пор оперировали, не отказываемся, но мы временно пріостанавливаем свою террористическую дѣятельность, для того, чтобы затѣм дать, если не окончательное, то, во всяком случаѣ, одно из рѣшающих сраженій. Это рѣшающее сраженіе вновь возстановит ту тактику, которой мы до сих пор стяжали себѣ такую большую славу.

Тов. Гарденин. Товарищи! Комиссія, которая занималась вопросом о террорѣ, состояла из трех избранных Совѣтом лиц и одного приглашеннаго товарища, отстаивавшаго предложеніе пріостановить террористическую борьбу. Среди избранных членов комиссіи один раздѣлял эту точку зрѣнія, двое других ее отвергали. Та часть комиссіи, от лица которой я говорю, не предлагает вам никакой резолюціи. Мнѣніе ея таково, что сейчас нѣт надобности в писаніи *резолюцій* о террорѣ. Единственное заключеніе, которое мы предлагаем, — это отклонить резолюцію, представленную вам т. Сѣверским.

Мы исходим из той самой точки зрѣнія, которая излагалась в «Знамени Труда», и раньше, с гораздо большей подробностью, в «Революціонной Россіи». Отправной пункт всѣх моих разсужденій конечно будет тот же самый, на который пытался стать и т. Сѣверскій. Да и как бы мог быть он иным, когда всѣ цитаты, приведенныя им для обоснованія этого отправного пункта, суть цитаты из моих собственных статей? Да, террор есть для нас нѣчто, органически связанное с массовым движеніем; но это значит только, что террор не есть для нас какое то единоборство двух сил, двух отрядов — террористов и правительства. Это значит, что дѣйствія отряда террористов имѣют для нас то или другое значеніе постольку, поскольку они служат потребностям массоваго движенія. Но служить потребностям массоваго движенія — не значит итти с этим массовым движеніем как раз в ногу: его много — и террора должно быть много, его нѣт — и террора не должно быть. И не только *теорія* террора, но и *практика* его в Партіи Соц.-Рев. такой «механической» пропорціональности никогда не представляла. Во времена Сипя-

гина массоваго движенія не было; когда Партія открыла свою террористическую кампанію, во что она вѣрила? Она вѣрила, она надѣялась, что в странѣ есть достаточно глубокаго, скрытаго, потенціальнаго недовольства. Но для того, чтобы это потенціальное, это скрытое недовольство перевести в открытое, эту энергію потенціальную перевести в энергію кинетическую, для этого — казалось Партіи — в русской жизни не достает кое-чего кромѣ пропаганды и подготовки умов; не хватает того дѣйственнаго примѣра, который дѣлом еще больше, чѣм словом, *высвобождает* эти силы. С этой вѣрой, с этим убѣжденіем Партія выступила на террористическій путь, и в настоящее время мы вправѣ сказать, что эта вѣра, это убѣжденіе — оправдались. Они оправдались несмотря на то, что правительство с первых же шагов нашей Партіи, заручилось в самой сердцевинѣ ея внутренним предательством, которое постепенно стало все больше и больше освѣщать перед глазами правительства ту силу, которая против него выступила, освѣщать всѣ самыя сокровенныя тайны ея организаціи, ея замыслов, ея дѣятельности. — Несмотря на все это Партія С.-Р. стала в этой области тѣм, чѣм она была. И в цѣлом рядѣ обвинительных актов правительства, и в реакціонных органах, ненавидящих нас, как никого, и в разных секретных документах — этих признаніях в четырех стѣнах — вездѣ звучало, вездѣ прорывалось, вездѣ невольно срывадось время от времени с языка названіе — цитирую дословно: «эта страшная Партія»...

Основываясь на моих словах о том, что русская революція перед періодом свобод побѣдила в значительной мѣрѣ «в кредит», товарищ старается эту точку зрѣнія распространить и на террор: доказать, что террористическіе наши успѣхи также были получены в кредит. В кредит у кого? Может быть у нас? Может быть у общества? Но, как вы видите, меньше всего у правительства, потому что для правительства с самых первых шагов наших Боевая Организація менѣе всего была чѣм то неизвѣстным, тѣм загадочным иксом, который прячется гдѣ то и откуда то мечет свои перуны. Вовсе нѣт! В обвинительном актѣ против Лопухина вы увидите, что, хотя Азеф вплоть до извѣстнаго періода времени не считал для себя выгодным выдавать в полном смыслѣ этого слова многих революціонеров и террористов, однако их, как таковых, — их общую роль и характеристику — он сообщал уже с самаго начала. Произошел первый акт, Сипягинскій, и вскорѣ правительство получило от Азефа всѣ данныя. «Освѣщено», кто играл главную роль: заграницей Гоц, в Россіи — Гершуни; «освѣщено», кто был помощником Гершуни и т. д. Так было и в различных террористических актах, которые не удавались. Да, мы были в это время, как численная сила, слабы; да, мы еще были в самой техникѣ террористической

борьбы неопытны: своего опыта еще не было, данныя опыта Народной Воли были утрачены; все приходилось начинать сызнова; даже динамитная техника была в это время для Партіи С.-Р. закрытой книгой. И еще одно «да»: в это самое время внутри Партіи была измѣна,—благодаря ей, наши слабые пункты не были для правительства тайной. Можно ли здѣсь, товарищи, говорить о побѣдах террора в кредит? Я полагаю, что нѣт; я полагаю, что если что нибудь этим доказано, так только одно: несмотря на слабость партійных сил, несмотря на слабость тогдашней нашей организаціи, несмотря на то, что, как Партія, мы тогда еще только что родились, несмотря на то, что внутренняя измѣна уже начинала давать себя чувствовать, — несмотря на все это террор дал то, что он дал. И какой вывод из этого слѣдует? Только один: террор далеко не дал Партіи всего того, что он, как таковой, *может* дать, далеко не развил всей своей потенціальной силы. И когда не развил?! Как раз в тот момент, когда его обнаруженіе, его проявленіе могло бы быть в наибольшей мѣрѣ рѣшающим. Мы имѣли центральный террор до того момента, как правительство зашаталось; но в тот момент, когда оно зашаталось, когда чашки вѣсов судьбы качались в неустойчивом равновѣсіи, как раз в этот момент мы уже были обезоружены. И мы могли только напрягать всѣ террористическія силы — и переживать трагедію, трагедію безсилія террора. Развивался террор массовый, террор мѣстный, но террор центральный больше не дѣйствовал.

Обращаюсь к психологіи общества. Для общества конечно истинное положеніе вещей не было так ясно. Обществу могло казаться, что здѣсь дѣйствует огромная сила. Но в обществѣ ли, в радостях ли общества, послѣ, скажем, убійства Плеве, мы черпали что либо? Оно ли давало нам силу для веденія террора? В этом отношеніи, мнѣ кажется, можно сказать одно: всѣ тѣ, которым знакома партійная террористическая практика, знают, насколько огромной и колоссальной нелѣпостью является обычное представленіе антитеррористов, будто террор — это что то такое, в чем Партія живет на счет буржуазнаго общества, пользуясь от него какой то огромной поддержкой, питаясь от него деньгами и т. д. и т. д. Товарищи, я думаю, для всѣх здѣсь присутствующих не тайна, что именно от элементов либеральнаго общества для веденія террора мы, можно сказать, совершенно ничѣм не пользовались. Да, вѣрно, общественное ликованіе, не столько либеральнаго общества, сколько ликованіе в низах, нас одушевляло. Да, восторг и благоговѣніе, с которыми крестьяне откликались на такіе акты, как убійство Сахарова, Луженовскаго и других, конечно, питали энтузіазм партійных борцов террора. Но могло ли питать его ликованіе либеральнаго общества, которому грош цѣна, которое рукоплещет, когда террор есть, и которое в

лучшем случаѣ брюзжит на революцію, когда террора нѣт, которое относится к террору с точки зрѣнія посѣтителя ресторана, которому долго не несут вкусное блюдо. Это нам давало силы? Это нам помогало?

Говорят, что дѣло Азефа сняло послѣдніе лоскутки одежды, что нас теперь всѣ знают без вуали, знают, насколько мы сейчас дезорганизованы и безсильны. Говорят, что дѣло Азефа дало возможность правительству и обществу заглянуть в самыя сокровенныя глубины нашей жизни. Правительству, я думаю, нѣт; правительство в эти глубины заглядывало и могло заглянуть в любой момент в послѣднее время дѣятельности Азефа. Обществу, пожалуй, да. Хотя во что заглянуло общество, которое во все время азефіады питалось утками нашей легальной прессы? Оно не заглянуло ни в какія глубины, оно осталось все на той же безнадежной плоскости в смыслѣ знанія и пониманія того, что есть революція. Дѣло Азефа скомпрометтировало в его глазах революцію? Конечно, да, и неудивительно: мы сами в наших глазах сильно скомпрометтированы. Но скомпрометтирован ли террор? Вот относительно этого я позволю себѣ сказать: мы скомпрометтированы, но террор не скомпрометтирован. Мы скомпрометтированы тѣм, что мог быть так долго в нашей средѣ неразоблаченным провокатор, который встрѣчался с многочисленными составами и Центр. Комитета, и Боевой Организаціи, и других верхов Партіи. Да, но по отношенію к террору для каждаго человѣка ясно и понятно совершенно иное заключеніе: если и при таком печальном положеніи вещей террор нанес так много ударов правительству, то чего же можно от него ожидать при болѣе благопріятных обстоятельствах? Иное заключеніе возможно развѣ только для тѣх, которые усваивают нелѣпую гипотезу, будто двѣ части правительства боролись между собою и одна часть правительства пользовалась террором революціонеров против другой части правительства. Это в то самое время, когда под ударами японцев с одной стороны, под грозой народнаго волненія с другой, правительство дѣйствительно висѣло на волоскѣ и потому в терроръ болѣе, чѣм когда либо, должно было видѣть угрозу своему существованію!

Но какое сейчас настроеніе у общества? Может быть оно дѣйствительно таково, что в нем существует нѣкоторое одностороннее переутомленіе, граничащее с патологическим состояніем, близким к гипнозу? Может быть, дѣйствительно, развилась полная нечувствительность к своей и чужой жизни, может быть его дѣйствительно нельзя разбудить никакими громами? Товарищ, поставив этот вопрос, вмѣстѣ с тѣм находит, что отвѣт на него всегда будет только суб'ективный, что об'ективных данных для этого отвѣта вовсе нѣт. Я с этим не мог бы согласиться без оговорок. Я думаю, что нѣкоторыя об'ективныя данныя всетаки есть. Несомнѣнно, перед

второй Думой мы пережили огромную полосу, втеченіе которой кровь лилась рѣкой. Но был в этой полосѣ момент, очень короткій момент, втеченіе приблизительно одного декабря мѣсяца. Втеченіе этого декабря мѣсяца, перед выборами во вторую Думу произошло разом 4 террористических акта. Из них ни один не был центральным, не был убит ни один министр. Был убит очень ненавидимый всѣми, олицетворявшій палачество, Павлов, был убит Лауниц, был убит не стоявшій в это время на особо боевом посту Игнатьев, и был убит мѣстный руководитель карательной экспедиціи Литвинов. Что же, как реагировала на это масса? Оказалась ли у нея восприимчивость настолько притупившейся, что она не подняла головы? Мы всѣ знаем, что об'ективный результат был как раз обратный: это был огромный фактор для сознанія масс. Перебуржцы тогда говорили, что нашу избирательную агитацію в рабочей средѣ, провели не столько они, сколько эти террористическіе акты Товарищ пытается аргументировать тоже об'ективными данными, но это ему трудно, потому что кромѣ этого аргумента у нас и фактов нѣт. Нельзя же назвать фактом убійство гдѣ то в городѣ Ригѣ генерала Кошелева. Я спрашиваю всѣх здѣсь присутствующих: когда они услышали в первый раз имя этого генерала? Не тогда ли, когда на него уже было произведено покушеніе? Как же подобными фактами можно доказывать полную нечувствительность общества?

Я боюсь, что дѣйствительно в обществѣ есть *односторонняя* притупленность, обусловленная тѣм, что только с одной стороны ежедневно «смерть жатву жизни косит, косит». И если на народныя массы что дѣйствует особенно подавляюще, так это именно то, что кровь льется только с одной стороны и удары обрушиваются только на одну сторону. В тѣ моменты, когда борьба разгорается, и когда масса жертв падает и с той и с другой стороны, — развѣ мы тогда видим эту притупленность? A la guerre comme à la guerre. Но развѣ каждый удар в это время, выбивающій у противника крупную силу, не вызывает энтузіазма? Теперь же односторонняя притупленность общества вызывается односторонним террором. Террор сейчас есть, и террор *только* правительственный. Эта односторонность бѣлаго террора дѣйствует, в силу очень долгаго времени, гипнотизирующим образом. Но гипноз разрушается не выжиданіем под односторонними ударами, а, я думаю, противопоставленіем гипнотизирующим впечатлѣніям контр-впечатлѣній. Но если так, то как же можно сказать, что теперь террор ни у кого ни поднимет духа?

Теперь посмотрим, можно ли сказать, что террор никого не дезорганизовал? «Смерти в Россіи никто не боится, запугать никого нельзя». На нас на всѣх произвело довольно сильное впечатлѣніе, когда Столыпин сказал в Думѣ: вы нас не запугаете! Мы всѣ вѣроятно подумали: а, вѣдь, дѣйствительно,

сколько там смѣлых людей... Но еслиб мы тогда знали, что у Столыпина было нѣкоторое великое подразумѣваемое: «не запугаете, у нас Азеф», еслибы мы это знали, то может быть аффектированное геройство Столыпина не в такой бы степени показалось нам геройством, и мы не повѣрили бы так, на слово, *в кредит* (смѣх).

Товарищ, учитывая данныя психологіи, учитывая переутомленіе общества, говорит: с точки зрѣнія разсчета нам было бы выгодно создать нѣкоторый антракт, а в это время подготовиться. Нужно пріостановить террор, нужно дать обществу отдохнуть от впечатлѣній террора, и тогда каждый террористическій акт производил бы гораздо большее впечатлѣніе. Но тов. ломится в открытую дверь. Какой же он хочет еще пріостановки? Слава богу, у нас была достаточно большая пріостановка! Правда, не мы сами пріостановили террор, нам его пріостановили, но вѣдь пріостановка то была! И затѣм: вѣдь мы то свой террор можем пріостановить, но пріостановим ли мы этим террор правительства? Этого мы не видѣли. В эпоху отсутствія террора, в эпоху полной власти контр-революціи мы видим такое колоссальное количество казней, какого никогда не было в исторіи Россіи, какого не бывало во времена наших террористических успѣхов: тогда по дѣлу генерала Трепова никто не был казнен, а во времена наших террористических неуспѣхов казнят чорт знает за что! Так что с этой стороны разсчет товарища, мнѣ кажется, сдѣлан без хозяина. «Хозяин», может быть, и не согласится на пріостановку своего бѣлаго террора, не захочет этой пріостановкой дать отдохнуть обществу, для того, чтобы оно могло лучше воспринимать наш, красный террор и укрѣплять наши позиціи.

При помощи террора, говорит товарищ, мечтают реабилитировать террор. Не скрою, есть настроеніе, или лучше сказать, было такое настроеніе у отдѣльных людей в Партіи. Возникали планы, основанные на нервном порывѣ: не слѣдует ли послѣ такого дѣла, как дѣло Азефа, броситься хотя бы на отчаянную гибель, и этим показать, что и послѣ Азефа есть люди, способные умирать. Но это стремленіе в Партіи не было сильно, собственно говоря, как теченіе, оно мнѣ вовсе неизвѣстно. Даже заграницей, гдѣ было наиболѣе нервное отношеніе ко всему происшедшему,—и это естественно, так как в Россіи меньше времени нервничать, — даже здѣсь была вынесена резолюція в прямо противоположном духѣ. Она говорит, что в дѣлѣ возобновленія террора прежде всего не должно быть никакой нервности, не должно быть азартнаго стремленія во что бы то ни стало поправить дѣло какими нибудь быстрыми актами; что за это дѣло должно взяться серьезно, настойчиво и планомѣрно. И этот пункт резолюціи на конференціи Заграничной Организаціи не встрѣтил ни малѣйшей оппозиціи,

ни одного голоса против. Не реабилитація террора, не реабилитація нас, как террористов, может быть для Партіи двигательным мотивом в дѣлѣ возстановленія террора, а указаніе опыта, что Партія не воспользовалась этим оружіем, как слѣдуст, и не получила от него всего того, что оно может дать. Вот то простое и спокойное сознаніе, которое диктует Партіи и в настоящее время рѣшеніе не покидать этого оружія. Для того, чтобы его покинуть, нѣт ровно никаких серьезных оснований, нѣт в то же время и причины нервно бросаться в террористическую борьбу мелкими отрядами, заранѣе обреченными на гибель и вѣрный неуспѣх. Обстоятельства заставляют относиться к этой борьбѣ осторожно и хладнокровно, может быть слишком даже хладнокровно. Я бы как результат дѣла Азефа, видѣл пожалуй в нашей Партіи по отношенію к терр ору слишком большую, чрезмѣрную осторожность и хладнокровіе.

Я думаю, кромѣ того, что дѣло Азефа деморализовало и дезорганизовало не только нас. Правительство в нѣкотором отношеніи оказалось в таком же положеніи, как и мы. Азеф часто так же цинически играл интересами правительства, как цинически играл интересами революціи; этого не подозрѣвали у нас, но этого не подозрѣвали и у них. Разница только в том, что мы это немедленно высказали, а правительство—нѣт; боясь поколебать престиж власти, оно до сих пор не может признать, что его собственныя судьбы были часто во власти Азефа: донесет вовремя Азеф—и не будет террористическаго акта, а не донесет — и все пропало. Но что это за положеніе, что это за позиція, когда правительство, обладающее колоссальными силами, колоссальным сыскным механизмом, в дѣлѣ террора всецѣло зависит от того, соблаговолит Азеф предупредить его или не соблаговолит? Престиж силы правительства дѣлом Азефа разрушен. Что оказалось? Несмотря на то, что Азеф давал правительству всѣ общія данныя, характеристики террористов, их имена — всетаки стоит ему временно, из предосторожности «отойти» от охраны, перестать предупреждать о каждом отдѣльном актѣ — и правительство терпит удар за ударом. Да, правительство тоже в достаточной мѣрѣ дезорганизовано этим дѣлом; об этом ясно свидѣтельствуют всѣ факты; несмотря на всѣ его увѣренія, что у него в области сыска все обстоит благополучно, мы видим в ней цѣлый ряд пертурбацій. Правительство заглянуло к нам, да, но я могу сказать, что и мы за это время нѣсколько заглянули в тайны правительственнаго сыскного механизма, и мы в этом отношеніи теперь гораздо болѣе вооружены, чѣм раньше, и можем этим воспользоваться.

Товарищу пріостановка террора в особенности желательна для того, чтобы мы подготовились. Но что оно значит, это таинственное слово «подготовились»? На чем можно подготовляться к террору? На том, что мы на каникулах будем

читать теоретическія статьи, или изучать книжки по взрывчатым веществам? На чем можно собрать контингент боевых работников? У нас есть остатки стараго боевого контингента, у нас есть новыя силы, которыя хотят идти на террор. Но развѣ эти силы могут в чем нибудь окрѣпнуть и пріобрѣсти тот опыт, котораго им не хватает, кромѣ как в борьбѣ? Развѣ этот опыт дается школьным путем? Нѣт, только на практикѣ борьбы вырабатываются эти силы! Когда мы начинали свою борьбу, у нас не было этих сил. Здѣсь болѣе, чѣм гдѣ либо оправдывается, что в борьбѣ обрѣтается не только право, но и силы для борьбы за право. Здѣсь это болѣе ясно, чѣм гдѣ либо.

Товарищ боится вмѣстѣ с тѣм, что наши террористическіе успѣхи будут слишком преждевременны для того, чтобы мы могли воспользоваться ими. Я прежде всего думаю, что в этом отношеніи товарищ может успокоиться: пожинать плоды вряд ли придется так скоро. В террористической борьбѣ успѣхи не сваливаются с неба, приступ к организаціи, постановка ея на боевую ногу, приступ к самому дѣлу и первыя попытки актов обычно отдѣлены, даже при самых благопріятных условіях, длительным періодом времени. А затѣм я думаю, вот что. Если бы мы, начиная нашу террористическую борьбу, держались такого правила, — не начинать террора, пока мы не будем, как партія, достаточно сильны, чтобы его *вполнѣ* использовать, — то может быть у нас не было бы никакого террора. Не сам ли товарищ говорил, и говорил совершенно справедливо, что когда мы начинали террористическую борьбу, мы были слабы. Я скажу: конечно, но и когда мы вообще начинали борьбу, у нас сил почти совершенно не было. Их можно было пересчитать чуть ли не по пальцам; и если нельзя было всю нашу Партію усадить на одном диванѣ, то на десяткѣ диванов оказалось бы даже много свободнаго мѣста. Или мы ошиблись, приступив тогда к активной борьбѣ? Но вѣдь именно активность нашего выступленія и привела к быстрому росту наших сил. Без него наша Партія осталась бы бездѣйственной и безжизненной кучкой.

«Использованіе» террора есть очень растяжимое понятіе. «Использует» террор не только тот, кто наносит им окончательные удары правительству в момент, когда напор масс готов совершенно смести его с лица земли. Использует террор и тот, кто посредством его ослабляет своих врагов, ободряет друзей, поднимает престиж собственной силы, подрывает престиж силы правительства, и т. д., и т. д. Конечно, террор можно тѣм полнѣе использовать, чѣм активнѣе массовое движеніе и чѣм болѣе окрѣпла партія. Но как ее укрѣпить, как снова стимулировать разбуженное, но подавленное массовое движеніе? Вѣчно испытывая чужіе удары без возможности отвѣтить на них своими ударами? Это меньше всего укрѣпля-

ет, и б[illegible] ное раздумье и сом-
нѣнія [illegible] ртійной программы.
Раз[illegible] очарованіем, уходом
[illegible] ація к этому поло-
[illegible] кем: как в эпоху за-
[illegible] ть с нашей терро-
[illegible] о времени, когда мы
[illegible] и помощи террора
[illegible] зѣ мы поступить и

[illegible] аргументы товарища, и разбор их меня приводит к тому же основному выводу: у нас нѣт никаких серьезных основаній временно отказываться от террора, пріостанавливать террористическую дѣятельность. Я думаю, что мы попали бы в чрезвычайно странное положеніе, если бы попробовали как нибудь об'яснить перед внѣшним міром, почему мы прекращаем террор? Вѣдь сказать: мы прекращаем террор, так как хотим, чтобы вы отдохнули от террора,—это ничего не вызвало бы, кромѣ громкаго смѣха. Нам сказали бы: мы уж достаточно отдыхали, а вы когда проснетесь? Я думаю, что в настоящее время отказ от террора и только он один грозил бы Партіи очень существенной опасностью. Эта существенная опасность представляется мнѣ в том нездоровом теченіи, которое, пользуясь внѣшней аналогіей, — вот был крах Народной Воли, вот крах П. С.-Р., — пытается наигрывать на этой аналогіи, и даже строит такого рода перспективы: была когда то партія Земли и Воли, партія, которая пробовала сочетать террористическую борьбу с массовым движеніем, она распалась, террористы пошли путем Народной Воли, а соціалисты пошли путем Чернаго Передѣла. То же, говорят эти люди, должно случиться и с Партіей С.-Р. Это мы — Земля и Воля, и мы должны распасться; из нас выдѣлится Народная Воля и Черный Передѣл. Я не думаю, чтобы это нездоровое теченіе имѣло какіе нибудь шансы на успѣх. Видимость таких шансов оно могло бы получить только в том случаѣ, если бы Партія С.-Р., поколебленная внутри себя дѣлом Азефа и прочими гнетущими впечатлѣніями окружающей дѣйствительности, рѣшила бы пріостановить террор на то неопредѣленное время, для опредѣленія котораго нѣт никаких данных, кромѣ ультра-субъективнаго глазомѣра, на то время, пока общество отдохнет от односторонняго впечатлѣнія. Только в этом случаѣ мы рисковали бы тѣм, что в нашей партіи появился бы разлад между террористами-антимассовиками и массовиками-антитеррористами, только в этом случаѣ мы искусственно вздули бы этот разлад и дали бы пищу центробѣжным тенденціям, могущим воспользоваться тяжелым положеніем Партіи для того, чтобы развалить ее. Я увѣрен однако, что этого не случится.

Библиотека ИМЭЛ 4/2329

Тов. Борисов. Я думаю, что террор скомпрометтирован был не дѣлом Азефа, а скомпрометтирован был раньше, терроромъ же, только не нашим! Не то уничтожило психическое вліяніе террора, что появилось дѣло Азефа, разбило его то, что террористическихъ актовъ, покушеній и попытокъ на эти покушенія было столько, сколько никогда в мірѣ не было, сколько, быть можетъ, никогда уж и не будетъ. Вотъ это скомпрометировало террор. Если вліяніе террористическаго акта теперь будетъ ничтожно, такъ это потому, что ихъ было слишкомъ уж много. Говорятъ о томъ, что Столыпинъ потому такъ смѣло говорилъ, что зналъ, что Азефъ его прикроетъ. Но вѣдь другіе этого не знали, и если былъ Азефъ у насъ, то его не было в тысячѣ маленькихъ группъ, которыя возникали на одинъ день, и которыя совершали направо и налѣво самые безсмысленные акты. Если говорить о психологіи, то нужно говорить о романтизмѣ въ революціи, его было много и онъ обусловливалъ этотъ анархическій разгулъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Люди шли на смерть из-за 50 коп., они шли на смерть, думая, что борются за экономическое освобожденіе человѣчества. Фактъ тотъ, что этихъ актовъ было безчисленное множество, и громомъ теперь никого не удивишь, так что эта сторона вліянія исчезаетъ.

Когда Партія С.-Р. выступала и начинала свою террористическую дѣятельность, положеніе вещей не было такое, как теперь. Насъ было меньше, но наше положеніе в одномъ отношеніи было лучше: и правительство, и народъ видѣли в революціонной партіи, далеко не то, что они видятъ теперь; всѣ ждали, что явится какой-то герой-освободитель и поведетъ куда то. Теперь этого нѣтъ и не будетъ. Я настаиваю на томъ, что этотъ романтическій періодъ революціи в Россіи закончился, и что в Россіи наступила пора чисто об'ективнаго разсчета, холоднаго, мѣщанскаго в извѣстномъ смыслѣ. Романтики прежнихъ временъ нѣтъ больше и не будетъ. С этимъ нужно считаться. И если стать на чисто прагматическую почву непосредственнаго отношенія силъ и спросить, что будетъ сейчасъ вслѣдъ за одномъ, другимъ, третьимъ прекрасно выполненными террористическими актами, то можно, гипотетически конечно, но с большими основаніемъ сказать, что не будетъ ровно ничего. Некому будетъ воспользоваться этими актами, нѣтъ силъ организованныхъ, а на неорганизованныя силы разсчитывать нельзя. Говорятъ, что можно внести разстройство в правительственную среду. Это невѣрно. А еслибы и было вѣрно, то было бы безполезно. Невѣрно потому, что правительство теперь не то, что было раньше. Соціалисты-революціонеры теоретически, в литературѣ своей, первые выступили с раз'ясненіемъ что мы боремся не с маленькой кучкой людей — правительствомъ. Будетъ это правительство Николая II-го или какого нибудь другого царя, или кого угодно, это ровно ничего не измѣнитъ, потому что пра-

вительство есть организованный класс, который за Столыпиным выставит Дурново, за Дурново третьяго, четвертаго и так далѣе. Каждое ремесло имѣет свои опасности. И Столыпиных хватит на то, чтобы спасти свою честь, как они говорят. Итак, правительство гораздо сильнѣе теперь, чѣм было тогда. Эта сила теперь виднѣе, она сконцентрирована и разстроить ее одним-двумя-тремя террористическими актами нельзя.

Но допустим на минуту, что террористическіе акты удадутся. Допустим, что правительство оказалось в замѣшательствѣ, и даже на недѣлю, на мѣсяц. Что выйдет из этого? Ровно ничего! Почему? Да потому, что некому воспользоваться этим разстройством. Когда есть двѣ силы, двѣ борющіяся стороны, то, если одна ослабѣет, хотя бы на время, другая этим воспользуется и разобьет ея ряды. Но кто теперь это совершит? Никто. Итак: мы не можем разрушить или разстроить правительство. Но еслибы и удалось разстроить, то рѣшительно некому будет воспользоваться этим. «Общество» будет стоять за правительство, а никоим образом не за революцію; оно теперь имѣет в тысячу раз больше оснований стоять против революціи, именно послѣ разгула этих годов. Оно знает, что оно борется за свой кусок хлѣба, за свою жизнь. Это «общество» не будет против правительства. Остается народ, массы. Готовы ли онѣ теперь? Могут ли, способны ли онѣ на какое нибудь выступленіе? Кто рѣшится сказать, что да? Я думаю, что никто не может этого сказать. Будет, вѣроятно, время, когда онѣ выступят, но сейчас никто из них не выступит. А партіи, гдѣ онѣ теперь? Возьмите Совѣт. Он должен был быть вдвое усиленным, а он присутствует в половинном составѣ. Соціалдемократы также не могут ничего сдѣлать, как и мы. Нѣт той силы, которая могла бы воспользоваться тѣм разстройством, которое могло бы быть вызвано покушеніями. Спрашивается: зачѣм нужны террористическіе акты? Говорят, что нужно ободрить извѣстным образом, что от террора создается извѣстное настроеніе в самой Партіи. Я говорю, что это невѣрно фактически, этого нѣт, и к счастью т. Гарденин сам сказал: он удивляется хладнокровію, с каким Партія встрѣчает отсутствіе террора. Я подчеркиваю еще одно: вы услышите, как только рѣчь дойдет до практической постановки террора, вы услышите об одном предложеніи обратиться к посторонним группам, к лицам, ничего общаго с Партіей неимѣющим. Да, приходится обращаться к посторонним компаніям. Это несомнѣнно признак времени. Вовсе не так уж сильна потребность Партіи проявлять свои силы в терроръ, когда она не может проявить их на чем-нибудь другом. Тов. Гарденин спрашивал: а что же дѣлать сейчас? Но развѣ у Партіи нѣт никакого другого дѣла, кромѣ террора? Итак нѣт оснований теперь возобновлять террор. Будет он возобновлен когда нибудь или нѣт? Будет, но характер его тогда будет нѣ-

сколько иной. Я думаю, что тогда он будет не равносильным орудіем борьбы, не одним средством в связи с другими, а подчиненным в тѣсном смыслѣ слова. Это будут отдѣльныя выступленія части арміи во время большой войны, по всей вѣроятности такова будет его форма. Но это будет уже не тот террор, о котором говорят теперь. Но, конечно, ручаться ни за что нельзя. Возможно, что наступят такія же условія, как и прежде, и тогда опять понадобится такая мѣра, как отдѣльные террористическіе акты, не сопровождаемые непосредственной массовой борьбой. Но сейчас этого положенія нѣт, теперь будить кого нибудь не приходится, всѣ разбужены двухлѣтней страшной полосой, двумя годами борьбы, с которой ни один террористическій акт не может идти в сравненіе. Если уже это не разбудило нѣкоторых, то их никакими террористическими актами не разбудите.

Я резюмирую. Оставляя в сторонѣ всѣ разговоры об Азефѣ, потому что не он повліял на то настроеніе, которое начинается в Партіи, и оставляя в сторонѣ романтическія надежды, надо сказать, что настоящих, реальных основаній для того, чтобы теперь приступать к террористическим актам, нѣт. Основаній ждать, что Партія, разбитая в значительной степени, могла бы вести блестящую террористическую борьбу, которая бы реабилитировала Партію, я думаю, что тоже нѣт, и не может быть. Партія реабилитирует себя, когда она будет сильна, и этого будет совершенно достаточно для русской революціи.

Тов. Бобров. Хочу задать т. Борисову вопрос относительно одного его утвержденія, которое меня поразило в такой степени, что я просто опѣшил. Откуда взялась у Борисова мысль, что будто бы в Партіи нѣт партійных террористических сил, и намѣреваются принять предложеніе каких то посторонних элементов? Так как никогда ничего подобнаго не было, то я просил бы или взять эти слова назад или что нибудь сказать в доказательство этих слов, потому что такого факта, чтобы не было достаточнаго количества партійных работников, предлагающих свои услуги для террора, такого факта никогда не было. Наоборот, теперь наблюдается особенный избыток предложеній идти на террористическую работу.

Тов. Андреев. Опровергает утвержденіе т. Борисова, будто Партія с большим хладнокровіем относится к отсутствію террора. Он приводит ряд примѣров, характеризующих настроеніе партійных кругов как раз в обратном смыслѣ. Сам товарищ высказывается за террор и поддерживает аргументы т. Гарденина.

Тов. Сидоров. Высказывается против принятія данным Совѣтом резолюціи о пріостановкѣ террора по формальным причинам — вслѣдствіи некомпетентности Совѣта, слишком малочисленнаго рѣшить столь важный вопрос партійной так-

тики. Далѣе оратор говорит о ненормальности существовавших до сих пор организаціонных отношеній между Ц. К. и боевой дѣятельностью. В заключеніе он предлагает Совѣту *не обязывать* Ц. К. непремѣнно возсоздать боевую дѣятельность и Б. О.

Тов. Воронов. Когда я слушал доклад и содоклад, то, мнѣ казалось, что пренія велись не в той плоскости, в какой их слѣдовало вести. Нам говорили о том психологическом вліяніи, которое может имѣть продолженіе террора, и тов Гарденин больше всего разбирал террор именно в этой плоскости. Меня сильно смущает вопрос, можем ли мы теперь, в настоящій момент, так рѣзко проводить грань между фабрично-заводским террором и политическим, как это мы дѣлали раньше. Когда были акты против Сипягина, Плеве и т. д., эти акты имѣли значеніе, как указаніе извѣстных политических задач. Убійство Плеве было не средством дезорганизаціи правительства, а, главным образом, средством агитаціонным. Совсѣм другое мы замѣчаем во время революціи. Террор распылился, стали бить по лицам, а не по учрежденіям. По отношенію к фабрично-заводскому террору мы говорим, что терроризовать класса мы не можем. Нам доказывают, что в извѣстных случаях можно: напримѣр, в Одессѣ как то убили директора печатнаго товарищества, и забастовка прошла великолѣпно; из этого дѣла заключают, что нужно примѣнять фабрично-заводскій террор. В отвѣт на это указывают, конечно, как на примѣр, на Лодзь, гдѣ террор привел к очень скверным результатам. То же самое скажу по отношенію к политическому террору. Когда мы раньше спорили с соціалдемократами, мы могли говорить, что буржуазія и землевладѣльческій класс — это суть тѣ классы, на которые должно опираться самодержавіе. Мы говорили, что наша буржуазія должна перейти на сторону правительства. Это и случилось. Но тогда, когда были акты против Плеве и т. п., этого еще не было, эти самые классы еще не сознавали своих интересов, и тогда борьба политическая не стала еще борьбой ярко соціальной, борьбой классов. Теперь положеніе совершенно измѣнилось, теперь мы не можем сказать, чтобы самодержавіе не сознавало своих интересов. Протекшій період прошел для него не безслѣдно. И если мы подойдем с этой точки зрѣнія к террористической дѣятельности, то вполнѣ понятны будут тѣ сомнѣнія, которыя овладѣвают сейчас мною. Мы не можем бороться сейчас против представителей власти, как представителей класса, для этого у нас нѣт сил. Но вѣдь то же самое мы говорим по отношенію к фабрично-заводскому террору: мы его отрицаем, потому что мы не можем бороться с классом террористическими средствами. Я просил бы указать, каким образом мы оцѣниваем значеніе этого фактора — выясненія за время революціи классоваго характера самодержавія.

Тов. Береславцев извиняется, что по болѣзни не мог присутствовать на предыдущих собраніях и поэтому незнаком ни с заявленіями докладчиков, ни с аргументами товарищей, говоривших за или против террора. Он будет говорить о конкретном вопросѣ: может ли какой-либо центральный коллектив, в частности тот, который будет выбран настоящим Совѣтом, получить мандат от послѣдняго возстановить Боевую Организацію для совершенія террористических актов. Прежде чѣм обосновать свой отвѣт—отрицательный,—он хочет коснуться вопроса о террористической тактикѣ вообще в данных условіях россійской дѣйствительности.

Вопрос о террористической борьбѣ крайне сложный: тут переплетаются соображенія политическія, юридическія, моральныя. Для политической партіи на первом планѣ стоит вопрос цѣлесообразности, что связано с нашим представленіем о соотношеніи борющихся сил и структуры той среды, в которой происходит борьба. Предыдущій оратор заявил, что с *классом* мы не можем бороться террористическими средствами. Но вѣдь это замѣчаніе существенное. Если до Революціи, до созыва Думы, до организаціи черных сотен внѣ и внутри Думы, существовало представленіе, что характер борьбы — титаническій, группы лиц против группы лиц, то теперь это представленіе надо совершенно оставить. Наличность черносотенной Государственной Думы, которая поддерживается царским правительством и, обратно, которая служит опорой правительству; далѣе: факт несомнѣнной поддержки существующаго в Россіи режима всемірной буржуазіей, испугавшейся классового характера Русской Революціи — ставят нас перед чѣм то новым, ясным, опредѣленчым: за царским режимом стоит организованный класс крупных собственников и промышленников, борющихся за свои интересы и, может быть, за свое существованіе, и партіи соціалистической невозможно больше игнорировать этого в обсужденіи своей дальнѣйшей тактики.

Это положеніе возникло, конечно, гораздо раньше, но оно опредѣлилось, стало конкретным, очевидным в самое послѣднее время. Во времена Плеве аргументація террора покоилась, главным образом, на соображеніях юридических и моральных; как революціонеры, так и либералы указывали два момента: во I-х, принцип законной защиты против произвола власти; во 2-х, принцип мести и правосудія за ненаказанныя преступленія агентов правительства. Так как народ молчит или недовольство его выражается в волненіях, не имѣющих никакого непосредственнаго вліянія, то выдвигаются отдѣльные герои-мстители, дающіе уязвленной совѣсти народа удовлетвореніе. Но вѣдь жизнь с тѣх пор радикально измѣнилась. Народ, или вѣрнѣе трудящійся эксплуатируемый класс, в защиту котораго выступали отдѣльные герои, сам вступил на арену политической дѣятельности и борьбы, и не только во имя попран-

наго чувства справедливости, а во имя своих экономических и политических интересов.

При таком положеніи уже не может итти рѣчи о внѣклассовой справедливости. Идет борьба классов, борьба за власть, справедливость уходит на задній план; идет вопрос о том, кто побѣдит, т. е. кто сильнѣе, и эта война, как всякая война, имѣет девизом: горе побѣжденным!

Тов. Береславцев проводит аналогію между Россіей и Франціей времен подавленія Коммуны. Версальскія войска в одну недѣлю дѣлают в рабочем классѣ 30 тысяч жертв; когда вакханалія репрессіи кончается, не находится ни одного человѣка, чтобы поразить изверга генерала Галиффэ. Развѣ во Франціи не было людей, страдавших от картины звѣрской расправы над часто беззащитными людьми, стариками, женщинами, дѣтьми? Не было людей, способных мстить и умереть? Ясно, что не в этом дѣло. Во время Коммуны столкнулись двѣ общественныя силы. Одна сила была побѣждена. Тут не могло быть рѣчи об индивидуальном мщеніи или удовлетвореніи индивидуальной совѣсти. В Россіи послѣ Революціи разыгралась та же трагедія.

Ужасы, происходящіе теперь в Россіи, казни, мученія арестован., гоненія и пр., суть слѣдствія побѣды реакціон. классов, дрожащих за свое существованіе. У временно побѣжденнаго народа есть одна затаенная мысль: накопить силу, чтобы одолѣть реакцію и, кто знает, может быть, отплатить ей тѣми же жестокостями, но не индивидуальными, а *массовыми*.

С этой точки зрѣнія не кажется ли товарищам, что отдѣльные индивидуальные террористическіе акты явятся впредь чѣм-то мизерным, не соотвѣтствующим ни силѣ противника, ни настроенію масс, не говоря уже о полной их политической нецѣлесообразности?

Если и раньше теоретики терроризма, как *тактическаго прієма* партійной борьбы, говорили, что эта борьба должна быть тѣсно связана с другими формами борьбы, а именно массовыми выступленіями, то не кажется ли вам, что в данный момент это еще болѣе важно. Вѣдь когда-то говорили о массовых выступленіях, как о чем-то желательном, но не вѣрили в их близкую осуществимость — а теперь, послѣ эпохи революціоннаго выступленія масс, об этом можно говорить, как о чем-то реальном; слѣдовательно, болѣе чѣм когда-нибудь, можно требовать, чтобы индивидуальные террористическіе акты, если даже признать их полезность, подчинялись бы тактикѣ массоваго возстанія. Партія обязана учесть заранѣе послѣдствія и видѣть, что будет на слѣдующій день послѣ таких актов. И если она ничего не может сказать, ничего предвидѣть, если она вынуждена дѣйствовать слѣпо, она обязана, как партія, воздержаться от подобных актов, даже если ея сил достаточно на матеріальное их выполненіе. Партія не имѣет права ру-

ководиться одним чувством мести: она должна учесть поведеніе масс, городского пролетаріата и крестьянских масс, и не ограничиваться общими фразами вродѣ того, что «психологія масс измѣнилась». Партія должна знать, достаточно ли она сама организована, достаточно ли теперь ея вліяніе среди рабочих и крестьянских масс, чтобы в момент удара вызвать послѣднія на вполнѣ опредѣленныя дѣйствія. Если этого нѣт, то мы стоим пред экспериментом, пред авантюрой, которая грозит окончиться самым жалким фіаско для Партіи.

Отдавая себѣ ясный отчет в том, что у нас есть и чего у нас нѣт, мы, если не желаем прослыть сумасшедшими или фанфаронами, должны констатировать, что мы теперь не обладаем силами вызвать вооруженное возстаніе масс, а потому, исходя из принципа совмѣстнаго существованія всѣх форм боевой дѣятельности, должны отказаться от метода индивидуальных актов.

Терроризм не есть принципіальный, а тактическій вопрос. Как соціалисты, как люди, мы питаем отвращеніе к убійствам. Но в Россіи такая масса мелких и крупных тиранов, они производят такіе ужасы: — погромы, казни, убійства и т. д., — что фатально возникает террористическое настроеніе. Было время, когда Партія Соціалистов-Революціонеров могла надѣяться канализировать, регулировать, концентрировать это террористическое настроеніе, взяв в свои руки руководство этими актами. Я думаю, это время безвозвратно прошло.

Конечно, только на большом съѣздѣ, гдѣ были бы представлены массы, можно было бы дебатировать этот вопрос, чтобы прійти к какому нибудь рѣшенію. Это невозможно на данном совѣтѣ. Я поэтому ограничиваюсь простым высказываніем своего личнаго мнѣнія. Преступленія и безуміе правительства будут еще долго вызывать террористическіе удары — но для партіи, разсчитывающей на долгое существованіе, на рост среди масс, на организованность, я думаю, для нея період террористической тактики закончился.

Но не этот вопрос — общій — нас теперь интересует. Совѣт должен вырѣшить вопрос не о прекращеніи террористической борьбы вообще, это внѣ его компетенціи, а о продолженіи или пріостановкѣ его в данный момент, в тѣх специфических условіях, которыя вызвали самое созваніе этого Совѣта.

Тов. Береславцев спрашивает: может ли данный Совѣт уполномочить какой-нибудь коллектив вести боевое дѣло, т. е. предпринимать террористическіе акты? Для него отвѣт отрицательный есть аксіома; поэтому он не будет доказывать, а ограничится иллюстраціей даннаго положенія.

Дѣло Азефа поразило не только тѣм, что в центрѣ Партіи был провокатор, с самаго момента ея основанія, но еще и тѣм, что оно обнаружило дефекты всей организаціи. Террористическое дѣло превратилось в предпріятіе.

Во времена *Народной Воли* Исполнительный Комитет ставил себѣ вполнѣ опредѣленныя террористическія задачи и сам приводил их в исполненіе. К моменту появленія на сценѣ Партіи Соціалистов-Революціонеров, работа пропаганды соціализма среди крестьян, рабочих и молодежи сдѣлалась настолько обширной, что поглотила почти всѣ главныя умственныя силы. Исторія признает всю громадность сдѣланнаго в этой области, истинную работу титанов. Произошло раздѣленіе труда. На террористическую работу ушли спеціальныя силы, и эти силы работали совершенно автономно.

Только снаружи могло казаться, что дѣйствует армія с полководцами, обдумывающими план войны, с офицерами, осуществляющими план и солдатами, бросающимися в огонь. Роль Центральнаго Комитета, занятаго литературой, переговорами с другими партіями, конференціями, с'ѣздами и т. д., сводилась в террорѣ к нулю, хотя формальная отвѣтственность доводилась до безконечности. Террористическій акт, поскольку он является моральным актом, не допускает этого раздѣленія труда: одних, которые замышляют, других, которые подготовляют его технически, третьих, которые его исполняют и умирают. Террор — не есть обыкновенная война. Когда террористическіе акты рѣдки и концентрированы, тогда между людьми, исполняющими эти три разныя функціи, еще может удержаться тѣсная, духовная, реальная связь, гармонирующая с тѣм настроеніем, с которым герои-исполнители идут на смерть; но когда число этих актов увеличивается, перерастает реальныя силы организаціи, эта связь нарушается. И тогда Центральный Комитет только *номинально* управляет этим дѣлом, и оно цѣликом переходит к другой категоріи лиц, к которым принадлежал Азеф.

Азеф оказался провокатором. Но развѣ до обнаруженія этого не поражало никого в Азефѣ его полное равнодушіе к соціализму и его отношеніе к своей «спеціальности», напоминавшее настоящаго антрепренера.

Тов. Береславцев сообщает, что за нѣсколько дней до перваго С'ѣзда на Иматрѣ ему случайно пришлось наблюдать Азефа в его бесѣдах с молодыми террористами, которые впослѣдствіи погибли на эшафотѣ. Его поразили сухость, черствость, бессердечность в манерѣ Азефа; и, когда Азеф был выбран членом Центральнаго Комитета, тов. Береславцев имѣл в виду его, когда в своей заключительной рѣчи при закрытіи С'ѣзда, напомнил то мѣсто из завѣщанія Михайлова, гдѣ он умоляет не посылать в огонь молодых, неокрѣпших людей, бережно относиться к молодым силам... Конечно, Азеф был всегда провокатором. Но представьте себѣ средняго человѣка, у котораго было искреннее геройское настроеніе, который попадает в положеніе предпринимателя террористических актов: героизм со временем испаряется, в нем развивается бивуачное,

унтер-офицерское настроеніе, и при том в сущности независимом, безконтрольном положеніи, в котором он на дѣлѣ находится, подумайте, в чьи руки попадаютъ судьбы молодых героев, идущих на вѣрную смерть.

В смыслѣ организованности Партіи в данный момент, уже на Лондонской Конференціи сказано было, что пред нами настоящая «пустыня». Данный Совѣт есть конкретная иллюстрація этой «пустыни». Было бы безуміем не имѣть ввиду этой «пустыни» при разрѣшеніи вопроса о продолженіи террористической тактики в данных конкретных условіях организаціи. Пусть Совѣт остается в предѣлах своей компетенціи. Он выбрал судебно-слѣдственную комиссію, чтобы изслѣдовать дѣло Азефа; он выберет коллектив, у котораго будут полномочія спасти организацію от распада. Но если старый Ц. К., котораго авторитет ни на іоту, как мы видѣли из докладов, не поколебался внутри Партіи, счел нужным распустить, послѣ раскрытія роли Азефа, Боевую Организацію, то гдѣ тот коллектив, которому можно было бы поручить собрать снова Боевую Организацію? А раз этого сдѣлать нельзя, то неужели в этом важном вопросѣ можно ограничиться половинчатыми рѣшеніями.

Тов. Береславцев думает—и это для него аксіома—что Совѣт не может и не должен ни возстановлять сам Боевую Организацію, ни поручать этого какому бы то ни было коллективу.

Террористическіе акты будут самопроизвольно возникать; в них будут принимать участіе, вѣроятно, и старые члены Боевой Организаціи. Среди них есть личности, которых мы глубоко уважаем, даже тогда, когда их мнѣнія облекаются в странную форму.

Но что должна им сказать Партія, Совѣт? Партія должна им сказать: если вы социалисты, перейдите на общепартійную работу и дайте примѣр партійной дисциплины. Если же боевое дѣло вам дороже всего, если ваши чувства вы ставите выше голоса холоднаго рѣшенія Партіи, вы этим самим ставите себя внѣ Партіи. Как отдѣльныя личности мы, может быть, преклонимся пред вашими геройскими подвигами. Но это будет наше частное дѣло. Партія же должна заявить, что она снимает с себя всякую отвѣтственность за акты, которые по существу не зависят ни от ея воли, ни от ея контроля.

Тов. Береславцев заканчивает свою рѣчь слѣдующими словами: «мое глубокое убѣжденіе, что Совѣт совершит ошибку, если он допустит, чтобы Ц. К., им избранный, создал новую Боевую Организацію. И наоборот, Совѣт совершит акт большой политической мудрости, если он в спеціальной резолюціи, проэкт которой я передал в началѣ засѣданія президіуму, заявит (не предрѣшая нисколько вопроса о том, как Партія поступит на ближайшем дѣйствительно полномочном

С'ѣздѣ), что избранный им Ц. К. не имѣет права возсозданія новой Боевой Организаціи, из чего ясно будет слѣдовать, что по рѣшенію Совѣта террористическая борьба от имени Партіи С.-Р. временно прекращается».

Тов. Штейн. Я думаю, что было одно крупное недоразумѣніе. Тов. Береславцев хотѣл показать, что длительное пребываніе в Боевой Организаціи в качествѣ руководителя может довести человѣка до того, до чего Азеф дошел. Но простите, товарищ, вѣдь это же был Азеф!

Тов. Береславцев: Это полное извращеніе моих слов!

Тов. Грѣхов возражает тт. Борисову и Береславцеву, основываясь на опытѣ своей продолжительной работѣ в крестьянствѣ. По его словам, террористическое настроеніе в массах есть и массы постоянно могут выдѣлять элементы, готовые идти в террор. Отсутствіе террора крайне вредно отражается на нашей общесоціалистической работѣ. Только возобновленіе террористической борьбы может возродить наши массовыя организаціи и укрѣпить снова вліяніе Партіи в массах. Наряду с ударом в центр центров, значеніе котораго может быть огромно, оратор высказывается за настоятельную необходимость широкаго развитія мѣстнаго террора.

Тов. Соловьев. Мой взгляд на политическое значеніе террора в данный момент с болѣе чѣм достаточной полнотою и ясностью выразил товарищ Гарденин, так что на этом я останавливаться не буду. Нѣсколько слов заставляют сказать тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы Береславцевым. Я, товарищи, никогда не был в Боевой Организаціи и мнѣ не приходилось наблюдать психологію боевиков непосредственно и близко, но брать на себя смѣлость называть людей, организующих террористическіе акты, террористическими антрепренерами, я тоже не взялся бы. Тов. Береславцев в своей психологической экскурсіи ссылался на то, что Азеф относился хладнокровно к молодым террористам, что он их со спокойным сердцем направлял в Россію. Но Азев был провокатор, и на основаніи знакомства с провокатором называть террористов авантюристами не приходится. Для такого смѣлаго утвержденія нужно имѣть болѣе глубокія основанія. Тов. Береславцев был поражен тѣм, что Азеф, провокатор, со спокойной душою направлял молодых террористов в Россію. Вмѣстѣ с тѣм тов. Береславцев, сердце котораго при этом дрожало, говорит нам: у вас есть старые члены Боевой Организаціи, пусть они идут, мы им не препятствуем, пусть они идут и совершают свои террористическіе акты! Значит пусть тѣ люди, которые до сих пор служили Партіи, которые для этой Партіи жертвовали своею жизнью, пусть они в настоящій момент, если они хотят сдѣлать какой нибудь террористическій акт, идут, мы им говорим: идите, но мы отказываемся от вас. В этом случаѣ мы, мнѣ кажется, поступили бы именно

так, как по теоріи т. Береславцева должны поступать тѣ, которые слишком долго пробыли в Боевой Организаціи и стали слишком хладнокровно относиться к силам этой организаціи.

Далѣе, нам говорят: самодержавіе в настоящій момент приняло классовый характер, поэтому террористическая борьба устарѣла. Развѣ во Франціи, когда Галиффэ убил 30 тысяч человѣк, развѣ поднялась хоть одна рука? Так теперь и у нас. Вмѣстѣ с тѣм тов. Береславцев говорит, что при том режимѣ, который господствует у нас, спонтанейно будут возникать террористическіе акты. Очевидно тов. Береславцев усматривает какую то разницу между положеніем Франціи и нашим. Да, скажу я, во Франціи не было, а у нас будут возникать террористическіе акты, я согласен. Но раз они будут возникать, то ограничиться тѣм, что сказать старым боевикам «скатертью дорога!» по моему мнѣнію не приходится.

Тов. Бобров высказывается за продолженіе террора. — Пока в странѣ господствует тиранія, террористическая борьба необходима. Далѣе оратор удивляется, что как раз в то время, когда террористическіе акты стали понятны народу, когда удар в центр центров мог-бы встрѣтить огромный сочувственный отклик в массах, предлагают отмѣнить террор. Не менѣе странно, что настоящему Совѣту, в авторитетность котораго так мало вѣрят, предлагают пойти в разрѣз с установленной партійной тактикой и с ясно выраженным настроеніем всей Партіи. Вѣдь мы имѣем отовсюду цѣлый ряд резолюцій, требующих возобновленія и усиленія террора, и *ни одной* резолюціи о прекращеніи его или пріостановкѣ.

Тов. Борисов, возражая нѣкоторым товарищам, между прочим отвѣчает на вопрос т. Боброва относительно «посторонних компаній», к которым приходится обращаться. Здѣсь он имѣл ввиду нѣкоторых террористов, которые расходятся с большинством Партіи во взглядах на террор. В частности он цитирует письмо N., подтверждающее это разногласіе.

Тов. Береславцев прежде всего замѣчает, что тов. Штейн недостаточно внимательно отнесся к его словам: он никогда не говорил, что психологія «антрепренера по террористическим дѣлам» привела Азефа к тому, что он стал провокатором; он черезчур опредѣленно указал, что в дѣлѣ Азефа случилось как раз обратное.

Он только утверждал, что длительная дѣятельность в роли подготовителя террористических актов вырабатывает особую бретерскую психологію, чему можно было бы привести нѣкоторыя доказательства из литературы послѣдняго времени. Что касается замѣчанія т. Соловьева, то и оно основано на явном недоразумѣніи. Партія всегда высказывалась против аграрнаго и фабричнаго террора, но развѣ это мѣшало ей признавать в ужасных условіях деревни и фабрики всѣ данныя для стихійнаго возникновенія актов террора? Партія пріостанавливает

политическій террор, как тактическій пріем в данный момент исторіи, но развѣ это означает, что она отрицает преступность правительства, вызывающаго своими преступленіями террористическіе акты. Вот это и было констатировано: ни больше, ни меньше.

Я старался в своей рѣчи быть ясным, и я просил-бы моих противников не вкладывать в мои слова своих произвольных толкованій.

Тов. Бобров. Я буду очень краток. Тов. Борисову я должен сказать слѣдующее. Меня поразили его слова, что мы обращаемся к лицам, стоящим внѣ Партіи и предлагаем им дѣлать террор. Я нахожу это абсолютно невѣрным. Тѣх товарищей террористов, о которых мы вообще знаем, что они так или иначе думают заниматься этим дѣлом, я их считаю и соціалистами и людьми партійными. Указывают на письмо т. N, но оно ничего мнѣ не говорит, потому что во-первых это его личное письмо, а не письмо от какой нибудь группы, а во-вторых он там говорит, что несогласен с мнѣніями большинства по организаціонному вопросу о терроръ, — и только! Но я никогда не слышал, чтобы т. N уходил из Партіи. Можно расходиться по извѣстному вопросу, но нельзя сказать, чтобы эти люди стояли внѣ Партіи.

Тов. Предсѣдатель закрывает засѣданіе.

Пятнадцатое засѣданіе Совѣта.

Предсѣдательствует: тов. Соловьев.

Тов. Предсѣдатель. Товарищи, собраніе открыто.

Тов. Гарденин. Товарищи! Выступая перед вами вторично в защиту продолженія террористической тактики для переживаемаго момента, я прежде, чѣм перейти к разсмотрѣнію аргументаціи сторонников пріостановки террора, скажу, какими аргументами из числа высказанных здѣсь я *не* буду пользоваться в защитѣ террористической тактики. Прежде всего я конечно отметаю тот аргумент, как аргумент мнимый, фиктивный, что если мы на время откажемся от террористической тактики, то тѣм самым мы будем не эсэры, — что без террора мы не эсэры. Несомнѣнно, что террористическая борьба есть для нас лишь тактическое средство: она не есть что то неизбѣжно вытекающее из нашей природы, как соціалистов-революціонеров. Принимать или отвергать ее мы можем не a priori, а лишь исходя из оцѣнки политической ситуаціи, конкретных условій времени и мѣста, учета наличности, как наших сил, так и сил противника. Само собою разумѣется, что я не буду также пользоваться аргументом, который в упрощенном видѣ гласил бы: пока есть тиранія, должен быть и террор. Не в зависимости от того, существует или не существует тиранія, рѣшается для нас вопрос о террористической тактикѣ, в зависимости от этого рѣшается лишь вопрос о допустимости или недопустимости этой тактики, но необходимость или не необходимость ея требует аргументов совершенно другого порядка. Я не думаю так же, и потому не буду пользоваться и этим аргументом, — будто без террора мы не получим доступа в крестьянскій или в рабочій класс. Я считаю, что в программѣ и тактикѣ нашей Партіи заключается достаточно богатое содержаніе, чтобы мы могли найти доступ и к крестьянству и к рабочему классу, не прибѣгая для этого к какому то экстраординарному средству в видѣ террора, без котораго наша программа для крестьянства была бы обезцѣнена. Отбрасываю я также и тот аргумент, что без террора массам нечего будет дѣлать. Этот аргумент в особенности не может относиться к террору центральному, в котором, как таковыя, массы непосредственнаго участія не принимают, в котором принимают участіе лишь верхи Партіи, лишь единицы. Не буду я пользоваться и тѣм аргументом, что «масса этого требует, слѣдовательно мы должны это дѣлать». Если массы этого требуют, то это может быть для нас счастьем или несчастьем, счастьем в том слу-

чаѣ, если по разсчету наших сил и сил противника мы рѣшили вопрос о террорѣ, так, как его рѣшают массы, несчастьем — в том случаѣ, если по тому же разсчету мы рѣшили его иначе. Но только таким счастьем или несчастьем, удачей или неудачей может для нас быть требованіе масс, но ничѣм другим, ибо наша сила должна быть в том, что мы там, гдѣ это нужно, идем против настроенія масс. Массы хотѣли идти в первую Думу, мы не пошли в нее, зная, что в данный момент мы идем в разрѣз с настроеніем масс, но зная, что будущее покажет, кто был прав, и это будущее научит массы цѣнить нас, как своих истинных друзей, которые не подлаживаются к своему другу и совѣтуют ему то, что ему нужно, а не то, что ему хочется. И, наконец, я не стану даже аргументировать тѣм обстоятельством, что различныя конференціи и комитеты высказались в пользу продолженія террора. Мы здѣсь не имѣем императивных мандатов, и партія, которая рѣшила, что она на своих законодательных собраніях не допускает императивных мандатов, тѣм самым рѣшила, что возможны случаи, когда на мѣстах вопрос представляется в одном свѣтѣ, а когда делегаты соединятся вмѣстѣ и обсудят вопрос во всей его широтѣ, то они могут его рѣшить совершенно иначе. И поэтому, если бы вам, товарищи-делегаты тѣх самых конференцій, которыя рѣшили вопрос за продолженіе террора, выяснилось бы из настоящих преній, что слѣдует его по разуму вещей прекратить, то вы должны были бы это сдѣлать, и вы проявили бы неуваженіе к себѣ и неуваженіе к своему долгу делегатов, если бы вы этого не сдѣлали.

Послѣ этих кратких замѣчаній я обращаюсь к существу вопроса, и прежде всего я констатирую, что наши пренія перемѣстились в другую плоскость, что перемѣстился самый центр тяжести вопроса. Болѣе того: в началѣ преній мы обсуждали один вопрос, а в концѣ стали обсуждать совершенно другой. Это были два различных спора. Первый спор, которому были посвящены рѣчи докладчика и моя, и только эти двѣ рѣчи, касался вопроса о *пріостановкѣ* террора. По существу уже слѣдующая рѣчь, товарища Борисова, хотя формально и стояла на точкѣ зрѣнія вопроса о пріостановкѣ террора, но по существу тѣх аргументов, которые в ней приводились, по их логическому содержанію, защищала конечно не *пріостановку* террора, а *прекращеніе* террора, *отказ* от террора. Этот характер новых дебатов был в особенности подчеркнут далѣе и вопросом тов. Воронова и в особенности аргументаціей тов. Береславцева, который первый и поставил надлежащія точки над і, формулировавши свое отношеніе к этому дѣлу так: лишь по формальным мотивам он предлагает сейчас рѣшить вопрос только о пріостановкѣ террора, но смысл его предложенія, ясный и подчеркнутый, за-

ключается в требованіи общаго пересмотра всего вопроса о терроръ, его политической цѣнности и даже цѣнности моральной.

Но и в аргументах тов. Борисова нетрудно вскрыть тот же внутренній смысл. Он говорит: «террором никого не запугаешь, всякое ремесло имѣет свой профессіональный риск. Идут же сторонники существующаго режима на войну, развѣ они не рискуют там смертью? А если находятся люди на опасные военные посты, почему же им не пайтись на опасные посты административные?» Да развѣ же это аргумент для *пріостановки* террора? Это аргумент против террора, в его внутренней сущности, при всяких условіях. Товарищ говорит: «Столыпина замѣстят, за ним стоит цѣлый класс, он выдвинет другого, третьяго, четвертаго»... Но развѣ это аргумент за пріостановку террора? Развѣ это не аргумент против террора, как такового, против его внутренней сущности? Развѣ это не тот аргумент, который выставлялся в самом началѣ против нас всѣми нашими противниками, начиная с соціалдемократов, которые говорили, что мы боремся с людьми, а люди смѣняемы, что всегда на мѣсто каждаго убитаго найдется новый. И наконец аргумент: «что, в сравненіи с громадностью пережитых, а, может быть, и переживаемых исторических массовых событій, что такое террор? Хлопушка!» И этот аргумент есть аргумент, который с равной силой может быть выставлен, да и выставлялся даже в этих самых словах нашими противниками в началѣ террористической кампаніи. Развѣ нам не говорили, напримѣр, соціалдемократы, что в сравненіи с 9-ым января убійство Сергѣя или Плеве было хлопушкой? Я упомянул, что эти аргументы выставлялись уже соціалдемократами, только для того, чтобы показать, насколько они не новы; отнюдь не хотѣл бы я, однако, апеллировать к чьей либо марксистобоязни, и вмѣсто разбора по существу отстранять тот или иной аргумент ссылкой на его соціалдемократическую генсалогію. Мнѣ нужно было это только для того, чтобы возможно нагляднѣе иллюстрировать мою основную мысль: теперь у нас идет другой спор, не спор о пріостановкѣ, а спор об отказѣ от террора, тот самый спор который нам приходилось вести, когда мы начинали нашу террористическую кампанію.

Обращаясь к существу этих аргументов, я скажу кратко, что всѣ они просто бьют мимо цѣли сейчас так же, как они били мимо цѣли, когда были выставлены впервые их первоначальными авторами. В самом дѣлѣ: «террором никого не запугаешь и не принудишь к уступкам». Но развѣ для нас террор есть то, что он есть, скажем, для группы «Рев. Мысли»? Развѣ это для нас есть самодовлѣющее средство борьбы, достаточное само в себѣ — тот конек, на который Партія садится и ѣдет до намѣченной цѣли? Развѣ мы могли бы для

оцѣнки значенія террора дать краткую формулу «допугать правительство до реформ»? Еслибы мы так смотрѣли на дѣло, тогда упомянутые аргументы конечно имѣли бы силу, но вѣдь мы на террор глядим не с этой точки зрѣнія. Мы разсматриваем его в связи с массовым движеніем, мы находим, что, удовлетворяя опредѣленным потребностям этого массоваго движенія и тѣм самым стимулируя его, террор в то же время может облегчить натиск этого массоваго движенія, способствовать хотя бы той временной дезорганизаціи правительственных сил, которую оно вызывает. Или перед нами будут отрицать самую возможность такой дезорганизаціи даже временной, при благопріятных для этого условіях? Но всякій, кто выступил бы с таким отрицаніем, стал бы в такое колоссальное противорѣчіе с фактами, которые у всѣх на памяти, что недостаточность, невозможность, тщетность подобных аргументов бросилась бы всякому в глаза. Да, бывают условія, при которых террор производит такую временную дезорганизацію в правительственных рядах, которая облегчает массовое движеніе и стимулирует его. Достаточно одного Плеве, чтобы понять и принять это. Итак, тот факт, что в правительственных рядах могут быть, могут найтись смѣлые и отважные люди, которых не устращает «профессіональный риск» от террора, этот факт против самой сущности террора, как такового, не свидѣтельствует. Он свидѣтельствовал бы и имѣл бы цѣнность, повторяю, лишь против той упрощенной концепціи террора, по которой это есть достаточное оружіе, чтобы «допугать» правительство до реформ и до уступок. «В сравненіи с громадностью массоваго движенія террор—хлопушка». О, конечно, в особенности, если мы теперь будем обозрѣвать нашим взглядом все то, что случилось от первой всеобщей забастовки до конца массоваго революціоннаго движенія; в особенности, если мы всю эту грандіозную картину поставим с одной стороны, а какой нибудь *отдѣльный* террористическій акт поставим с другой стороны. Дѣйствительно, несоотвѣтствіе окажется громадным, поравительным. Но правилен ли этот пріем? Правильно ли часть противопоставлять цѣлому? И даже не часть, а только часть части — террористическую борьбу в одном, единичном, случайном ея проявленіи! Но вѣдь это все равно, что вырывать из контекста одну фразу, болѣе того, одно слово, — таким способом нетрудно лишить его живой связи со всѣм остальным и свести к нулю его значеніе. Прежде всего из той полосы, которую мы пережили, нельзя выключить террористической борьбы, которая вносила свои штрихи во всю картину, которая интимно переплеталась со всѣм ея содержаніем; всему придавала свой оттѣнок и на себѣ отразила смысл всего происходившаго. Не умаляйте этой борьбы— она останется огромной, если мы и выбросим из нея всю полосу мелких экспропріацій и т. п. полухулиганских актов,

которые силы террора конечно в свое время не увеличили, а только помѣшали ему. Если отвлечься от этих актов, то оставшееся не уменьшится, а наоборот — скорѣе возрастет в своей морально-политической цѣнности. Да и что говорит этот аргумент? Террористическій акт — убійство Плеве — будет ничтожной вещью в сравненіи со всѣм тѣм, что пережито. А что *не* является ничтожным по сравненію с тѣм, что пережито? То, что мы будем сейчас входить в профессіональные союзы? Будем устраивать кооперативы? Все, что я могу сейчас дѣлать, в сравненіи с огромной картиной пережитой революціи — ничтожно. Но развѣ это аргумент против каждаго из этих атомов движенія? И развѣ это свидѣтельствует о том, что из общаго накопленія всѣх этих атомов, вмѣстѣ взятых, не получится в будущем такая же грандіозная картина?

Болѣе серьезным, по крайней мѣрѣ на первый взгляд, аргументом из всѣх тѣх, которые я слышал, является по моему лишь один. Нам говорят о классовом характерѣ самодержавія. Этот классовый характер в настоящее время вскрылся, обнаружился. Самодержавіе не одиноко, вокруг него организованныя силы, и с тѣх пор, как вокруг него появились эти организованныя силы, говорят нам, террор политическій является столь же мало дѣйствительным, сколь мало дѣйствителен террор аграрный и террор фабричный, вообще террор противоклассовый. Класса терроризировать нельзя, а в особенности, если имѣется не класс, а цѣлый союз классов.

Классовый характер самодержавія! Но развѣ он был для нас тайной, когда мы открывали нашу террористическую кампанію? Развѣ мы с самаго начала не стояли именно на этой точкѣ зрѣнія, развѣ мы все время не противополагали ее всѣм другим точкам зрѣнія, с ней несогласимым? С точки зрѣнія «Революціонной Мысли» самодержавіе есть «кучка», сильная только своей организованностью, поэтому ее может побороть другая, достаточно энергичная группа или кучка. Вот эта теорія, простите за выраженіе, «кучкизма», которая так же далека от нас, как и теорія наших соціал-демократов. С точки зрѣнія послѣдних самодержавіе тоже почти кучка, оно таково потенціально постольку, поскольку буржуазія в своем внутреннем развитіи должна сдѣлаться силой, противополагающей себя самодержавію, и поскольку таким образом в распоряженіи самодержавія остаются его собственныя силы да часть дворянства, та часть, которая не приспособилась к буржуазным условіям существованія, которая не перешла в класс капиталистических сельских хозяев. Но в чем же и заключалась сущность нашей точки зрѣнія, как не в том, что в самодержавіи мы усматривали лишь особую форму, а именно диктаторскую форму владычества и буржуазіи и помѣстнаго класса во всѣх его основных развѣтвленіях, и того свое-

образнаго общественнаго слоя, каким является россійская бюрократія. Мы говорили, что в настоящее время господствует этот тройственный союз, что самодержавіе есть лишь диктаторская форма этого союза, та форма, при которой в извѣстных условіях времени и мѣста — этим классам легче отстаивать свои интересы. Бывают эпохи и бывают страны, когда и гдѣ данные классы находят в себѣ достаточно духовных сил, и находят в условіях жизни достаточно благопріятную для себя атмосферу, чтобы владычествовать над народом, не прибѣгая к грубому насилію, единственно благодаря своему духовному преобладанію. Тогда они уживаются с любыми, самыми широкими и свободными формами политической демократіи. Бывают другія эпохи и другія страны, когда и гдѣ духовныя силы этих классов сводятся к такому минимуму, а внѣшнія обстоятельства дѣлаются настолько неблагопріятными для идейнаго господства над народом, что для них единственным прибѣжищем является диктаторская форма владычества со всѣми ея неудобствами. Вот что говорили мы. Почему же мы тѣм не менѣе считали возможным террор политическій и не считали возможным террора аграрнаго и террора фабричнаго? Я утверждаю, что мы думали так потому, что основным принципом нашей борьбы ставили именно необходимость разрушенія боевого и защитнаго механизма этих классов. Мы говорили, что послѣ того, как эти классы выработали свой боевой и защитный механизм и революція тоже выработала, в лицѣ революціонных партій, свой боевой и защитный механизм, и эти два механизма бьют и должны бить друг друга. Когда сломлен боевой механизм народа, правительство торжествует. Пока он *не* сломлен, правительство не торжествует. И пока не сломлен боевой механизм господствующих классов, можно бить сколько угодно по отдѣльным представителям этих классов,—это будет только напрасная трата сил. Вот что говорили мы, когда утверждали, что наша тактика, и в частности наша террористическая тактика, является правильной. И еще мы говорили: революціонная партія, боевая сила, не дѣлает и не должна дѣлать отвѣтственной отдѣльную личность за грѣхи исторіи; тот факт, что извѣстное лицо при существующем режимѣ оказывается эксплуататором, не есть еще моральное основаніе для покушенія на его жизнь. Поскольку это лицо нейтрально в борьбѣ двух боевых и защитных механизмов, постольку и мы уважаем его нейтралитет; и лишь поскольку оно вмѣшивается в эту борьбу активно и поскольку этим своим вмѣшательством оно нам вредит, постольку цѣлесообразно с нашей стороны и это лицо, и это учрежденіе намѣчать, как центр наших ударов. Вот та точка зрѣнія, на которой мы стояли. При этом повторяю, что мы разсчитывали не «запугать» класс до уступок и реформ, а лишь облегчить и сти-

мулировать массовое движеніе, и облегчить его задачу дезорганизаціи правительственных сил. И вот почему нельзя этой точкѣ зрѣнія противопоставлять того элементарно вѣрнаго утвержденія, что класса не запугаешь отдѣльными убійствами.

Я слышал здѣсь против террора и еще один аргумент, аргумент этическій, затрагивающій самое больное мѣсто, ибо вопросы этическіе всегда самые больные вопросы, а в революціи болѣе чѣм гдѣ либо. Потому для меня совершенно понятно, что, когда этот аргумент врѣзался в наши пренія, они сразу приняли очень страстный характер, температура дебатов повысилась. Я лично должен сказать, однако, что я желал бы избѣжать всякаго такого «повышенія температуры», потому что оно вряд ли содѣйствует достаточно обдуманному, исчерпывающему освѣщенію вопроса. Справедливо было здѣсь замѣчено, что соціалист, высоко цѣнящій человѣческую личность, конечно, выше всего должен оцѣнивать цѣнность, значеніе человѣческой жизни, и с этой стороны отвращеніе к пролитію крови, к убійству есть необходимая составная черта психологіи соціалиста. В этом смыслѣ было сказано, что террор есть «печальное оружіе». Да, печальное, да, тягостное, хотя однако же в том же отношеніи, в том же смыслѣ печальным и тягостным будет и всякое другое пролитіе крови: и вооруженное возстаніе, и борьба на баррикадах. Если мы скажем только относительно террора «печальное оружіе», то мы скажем только пол-истины; а если мы скажем только пол-истины, то тѣм самым мы погрѣшим против истины. Но, конечно, в террорѣ есть и еще нѣчто: партія, практикующая террор, не может всѣ силы свои ухлопать на террор, она должна в то же время заниматься и другими видами работы. Стало быть в ней должно установиться какое то раздѣленіе труда. Но нѣт ли грѣха против справедливости, спрашивает тов. Береславцев, если в Партіи будет такое раздѣленіе труда: один идет на висѣлицу, а другой пропагандирует или пишет? Допустимо ли оно этически? Нѣт ли здѣсь чего нибудь, оскорбляющаго наше нравственное чувство? И затѣм, говорит он, если установится такое раздѣленіе труда, то что из этого получится? Не получится ли в террористическом лагерѣ спеціалистов военнаго ремесла, а если таковые спеціалисты получатся, то не получится ли у них особой унтер-офицерской или кавалергардской психологіи, не получится ли психологіи людей, которые к «штатским» относятся свысока и отрицательно? Наконец при дальнѣйшем раздѣленіи труда не получится ли какого то, оскорбляющаго наше нравственное чувство «антрепренерства» в таком дѣлѣ, как террористическое? Вот тѣ больные вопросы, которые, если я правильно понял тов. Береславцева, он здѣсь хочет снова поставить перед нами во всю их величину.

Обращаюсь к этим вопросам. Я прежде всего коснусь

вопроса о террористах. Я лично всегда держался того глубокаго убѣжденія, что, в общем, не только террористом, как таковым, но и соціалистом-революціонером-террористом может быть лишь человѣк, который не вошел в Партію «спеціально для» террора, не вошел в Партію «через террор», но который на себѣ, на собственной практикѣ понял, узнал, оцѣнил и перечувствовал всю цѣнность нашей основной органической работы; только такой человѣк, который такую работу работал. Всѣ лучшіе наши террористы тѣм и отличаются, что они пришли к террору не для террора и к революціи пришли не через террор, а пришли к террору через опыт своей работы в массах, и только благодаря этому получили возможность, «умирая, как террористы, продолжать дышать одной грудью с пролетаріатом и крестьянством», как говорил когда то Гершуни в своем прощальном письмѣ. Я, вмѣстѣ с тѣм, не менѣе тов. Береславцева отрицательно относился бы ко всякому проявленію такой, спеціально военной психологіи, если бы она создавалась... Но, значит, она может создаваться? Да, может. Да, человѣк остается человѣком. Но развѣ только в террорѣ может создаваться для людей, или слабых, или с какими нибудь индивидуальными отклоненіями в своей духовной природѣ, развѣ только в террорѣ может создаваться психологія того—по выраженію Козьмы Пруткова, «флюсо-образнаго спеціалиста, полнота котораго всегда односторонняя»? Развѣ практика кооперативов не может создать у людей слабых психологію мѣщанскую? Развѣ практика профессіонализма не вырождалась в узко цѣховой дух? Развѣ психологія пропагандизма не порождала неоднократно той мирной психологіи, которая становилась наконец в разрѣз с революціонными потребностями момента и производила книжников? *Всякая* отрасль работы может быть чревата такими опасностями, и люди неокрѣпшіе или люди с опредѣленными индивидуальными предрасположеніями могут поддаться их вліянію. В террорѣ, я готов согласиться, может быть этих опасностей больше, чѣм гдѣ либо. Но развѣ это аргумент против террора, как такового? Острой бритвой можно порѣзаться, но это не значит, что нужно скоблить себя тупой бритвой. И вот почему вопрос об организаціи террора есть с этой точки зрѣнія очень серьезный, иногда очень больной вопрос для Партіи, практикующей террор. — Но это—и все, что отсюда вытекает для террора и для Партіи. В самом террорѣ существует раздѣленіе труда: существуют организаторы, — люди, обладающіе исключительными способностями в этом направленіи. В обвинительном актѣ против нашего незабвеннаго товарища Трауберга приводится письмо к нему одного члена боевого отряда, казненной впослѣдствіи дѣвушки, в котором она снова и снова, повидимому, продолжая какіе то безконечные разговоры, старается убѣдить его: «Вы строитель, Вы

не смѣете, Вы не должны, Вы не можете идти сейчас на акт лично, Вы должны пойти послѣдним». Из этого ясно, что для Трауберга тоже существовала опредѣленная мучительная проблема: он, в силу того, что он надѣлен опредѣленными способностями, должен идти в лучшем случаѣ послѣдним, и если нѣт недостатка в силах, которыя «первыми» идут на акт — он *вовсе* не должен идти, потому что он по своим способностям *строитель*. Спрашивается: может ли на этой почвѣ возникать психологія антрепренерства? A priori говоря, конечно, да, в зависимости от личности. У извѣстных лиц конечно может, а у извѣстных, как Карл, повидимому не может. Но есть ли в том самом фактѣ, что он посылает, а лично не идет, что нибудь, оскорбляющее абсолютный нравственный закон? В данном случаѣ я этого не вижу, хотя бы потому, что этих «антрепренеров» вѣшают за ту же самую шею, за которую вѣшают и неантрепренеров. Да и что нам за дѣло до того, как реагируют на террор наши враги? Сазонов, убившій бомбою всесильнаго министра, идет в каторгу; завтра разыгрывается безпощадная бойня над «семью повѣшенными», которые никого не убили; вчера Гершуни, не бросавшій лично бомбы, осужден на смертную казнь, и «помиловав» его, втеченіи мѣсяца скрывают это от него, чтобы как можно дольше продлить для него утонченную пытку, держа его нѣсколько недѣль под Дамокловым мечем ожиданія казни. Неужели для внутренней моральной цѣнности акта не является глубоко безразличным, как расцѣнят его на своих фальшивых вѣсах прислужники самодержавія? Неужели разница в степени присужденнаго им воздаянія может смущать нас? Не спорю, есть извѣстная нравственная высота в нежеланіи пострадать меньше товарища; но есть и еще большая нравственная высота, с которой абсолютно безразлично, чѣм отвѣтит на вашу дѣятельность враг. Правительство может повѣсить безшабашнаго удальца-экспропріатора и сажать время от времени на двухмѣсячную высидку кого нибудь из «незамѣтных героев», всю жизнь свою посвятивших неблагодарной, невидной, черной работѣ революціи, в четырех стѣнах уединенной от міра тайной типографіи. Но развѣ эта разница в поведеніи правительства мѣняет что нибудь в нашей нравственной оцѣнкѣ? Я не понимаю, как можно вводить в рѣшеніе моральнаго вопроса о террорѣ какой то принцип механической уравнительной справедливости... примѣнительно к Уложенію о наказаніях! Оно нас просто не касается — т. е. оно касается тѣл наших, но дух наш ни в каком отношеніи подвластен ему быть не может. Вот почему видѣть здѣсь, в этом фактѣ, что либо, оскорбляющее нравственный закон, я не могу. Но, кромѣ того, я отвергаю, чтобы отсутствіе «уравнительной справедливости» проявлялось правительством по отношенію к *организаторам* террористической борьбы, «антрепренерам», —

по вряд ли удачному выраженію тов. Береславцева. Если к кому нибудь приложимо сказанное им, то не к организаторам террора, а к совершенно другим лицам. Есть и должны быть в Партіи, ведущей террористическую тактику, люди, которым приходится комментировать акты, совершенные террористами, обосновывать террор, *писать* о нем, при условіях конечно в тысячу раз менѣе опасных, часто совершенно безопасных, — «внѣ предѣлов досягаемости». Они знают, они не могут не знать, что каждая написанная строка в защиту террора есть, быть может, жизнь, отданная в террористической борьбѣ в будущем. Вот здѣсь—да, здѣсь дѣйствительно есть мѣсто, есть почва для той коллизіи, которую я совершенно отрицаю в так называемых антрепренерах. И, расширяя далѣе этот вопрос, я говорю: в партіи, практикующей террор, перед каждым встает в особенно рельефной формѣ и с особенной силой нравственная проблема: «а ты сам, мог ли бы ты, и готов ли ты каждую минуту отдать свою жизнь?» Я говорю «с особенной силой», потому что я несогласен, будто такая же проблема не существует в партіях нетеррористических. Она существует, но в скрытом видѣ. В самом дѣлѣ, партія, теоретически идущая на вооруженное возстаніе, но отрицающая террор, тоже ставит перед каждым такую проблему, но об этом забывают: вооруженное возстаніе когда то еще будет! Но вѣдь каждая строка в защиту вооруженнаго возстанія, вѣдь это тоже, может быть, жизнь, и не одна, а может быть сотни, тысячи жизней. И по существу дѣла, в скрытом, менѣе обнаженном видѣ, я утверждаю, эта проблема есть у каждой революціонной, даже нетеррористической партіи. Но у партіи террористической тот факт, что она ведет эту борьбу сейчас, вскрывает эту проблему, напоминает о ней ежедневно, ежечасно, как вѣчное memento mori, стоящее перед каждым ея членом. В этом смыслѣ я данную проблему признаю. Я признаю ее как проблему, стоящую не только перед террористической партіей, но перед террористической партіей стоящую с особенной силой и яркостью. И для меня совершенно ясно, что в такой партіи каждый, входящій в нее, должен себѣ поставить вопрос, готов ли он, когда это нужно, когда это потребуется, потребуется интересами партіи, а не только собственным самочувствіем, не приведенным в гармонію с интересами партіи, отдать свою жизнь. И тот, кто этого вопроса не разрѣшил, кто о нем забыл, тот не рѣшил для себя великой этической проблемы, и тот не имѣет права сказать, что он может быть членом такой партіи. Вот лишь в какой формѣ я признаю эту проблему, и вот в каком отношеніи она должна быть рѣшена для всякаго. Но я бы не признал ея в такой, скажем, формѣ, что всякій человѣк, вступающій в Партію С.-Р. должен быть готов идти именно в *террористическую* борьбу. «Душу свою за други

своя» положить можно всячески. Положить се в длительной работѣ, относясь к этой работѣ ежедневно и ежечасно, как к самому святому в своей жизни, может быть, труднѣе, чѣм в мгновенном актѣ смерти с оружіем в руках. Мы знаем образы работников, которые в вѣчных лишеніях, капля по каплѣ отдали всю свою кровь на пользу любимаго дѣла. Спросят: много ли таких? Не больше ли других, работающих такую работу «между прочим»? Может быть. Но вѣдь и среди террористов бывают такіе, которые своим отношеніем к террору, как к революціонному спорту, могут свою работу морально обезцѣнивать. Итак, моральное требованіе, предъявляемое к члену Партіи С.-Р., я могу формулировать только так: «готовность отдать свою жизнь». Эту общую формулу нельзя замѣнить никакой спеціальной. Террор, напр., есть не просто способ отдать свою жизнь. Это есть спеціальный способ, требующій особаго склада нажуры, особых конспиративных способностей, которыя не у всякаго имѣются. Есть люди, которые легко, свободно и героически отдают свою жизнь в массовом актѣ, и которые органически неспособны вести террористическую работу, и которые для такой работы были бы только отягощеніем. Вот с такой оговоркой я признаю эту проблему, и она для нас должна быть опредѣленным образом разрѣшена.

Но если я спрошу себя: вытекаетъ ли из этой проблемы отрицаніе террора, отрицаніе моральнаго права партіи вводить в свою систему террор, я отвѣчу, я могу отвѣтить только словом «нѣт!» Для опредѣленных лиц их безопасное положеніе, созданное законом «раздѣленія труда», может создать тягостную психологію. Если они не могут продолжать борьбу в данный момент, если они не могут привести в равновѣсіе свое самочувствіе с интересами Партіи, Партія не может их насиловать, Партія должна освободить их, считаясь с их моральным самочувствіем, если же могут, хотя бы и с трудом, то тѣм лучше!

Но, товарищи, всѣ эти вопросы мнѣ представляются конечно очень трудными и очень глубокими, но они не вытекают из даннаго момента; они стоят передо всякой сознательной личностью, которая прежде всего должна разрѣшить для себя этическія проблемы. И я не понимаю, неужели мы для себя этого еще не разрѣшили? Неужели мы анга жировались в террористическую борьбу, даже не разрѣшив для себя этих вопросов? Прійти к такому убѣжденію было бы для меня глубоким ударом, и вот почему я боюсь, что эти вопросы всплыли здѣсь в нѣкоторомъ отношеніи не совсѣм законно, что они всплыли, как вопросы якобы неразрѣшенные, тогда как они давно уже должны были быть разрѣшены для нас, всплыли под гнетущими впечатлѣніями дѣла Азефа, которое нас заста-

вило в этом отношеніи как то нѣсколько растеряться, так что мы еще не можем толком собрать своих мыслей.

Я не стану отрицать, однако, что в аргументаціи сторонников пріостановки террора есть доводы и иного рода, не отвлеченные, а имѣющіе отношеніе к переживаемой дѣйствительности, и один из этих аргументов, это яркій примѣр, приведенный т. Бреславцевым, примѣр с Галиффэ. В самом дѣлѣ, яркое сопоставленіе: Галиффэ разстрѣлял коммуну, а Мин — массу людей в Москвѣ во время вооруженнаго возстанія. Мин убит Коноплянниковой на глазах громаднаго количества людей, Галиффэ не убит. Что это значит, и можно ли из этого что нибудь вывести? Конечно можно, и можно даже вывести многое, а именно слѣдующее. Если бы московским возстаніем: русская революція была закончена, как разстрѣлом коммунаров была закончена Парижская Коммуна, если бы так было, то может быть в Россіи не нашлось бы Коноплянниковой, а если бы она и нашлась, ея акт потерял бы в своем политическом значеніи. В самом дѣлѣ, там, гдѣ революція закончена, террористическіе акты могут явиться с политической точки зрѣнія запоздалыми, и если бы мы стояли на точкѣ зрѣнія, что революція сейчас закончена, то для нас eo ipso должен был бы быть рѣшен вопрос о террорѣ: террористическіе акты для даннаго момента не подходят, — революція кончена, и мы опоздали с ними. Но раз мы не стоим на той точкѣ зрѣнія, что революція закончена, мы логически влечемся к противоположному выводу, и мы считаем, что аггрессивной тактикой, в связи с тѣми условіями, которыя существуют и продолжают дѣйствовать в Россіи, мы можем вызвать непосредственно, в связи с этими условіями, період новаго общественнаго подъема и новаго революціоннаго кризиса. Я хотѣл бы отчетливѣе провести эту точку зрѣнія, ибо в зависимости от этой и только от этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, может серьезно рѣшаться вопрос о пріостановкѣ, или лучше сказать о прекращеніи или непрекращеніи террористической тактики. По отношенію спеціально к генералу Галиффэ и к тому, что он не был убит, я должен сказать, что самая налічность этого факта меня перед ним преклониться ни мало не заставляет. Это факт, но о чем он свидѣтельствует? «Развѣ мало во Франціи самоотверженных людей? Почему же не нашлось никого?» А может быть потому, что послѣ того, как Коммуна потонула в морѣ крови, был момент общественнаго приглушенія, а когда оно прошло, генерал Галиффэ уже стал обыкновенным генералом, сошедшим со сцены. Но развѣ из того факта, что не нашлось руки, поднявшейся на Галиффэ, можно дѣлать вывод за или против террора? Развѣ можно с торжеством говорить: вот как бывает, когда борьба котерій и группировок смѣняется борьбою классов? Я бы сказал, что хотя убійство Галиффэ послѣ Коммуны ни-

чего не измѣнило бы в ходѣ вещей, поскольку революція была закончена, но в смыслѣ правосознанія и настроенія масс это был бы фактор положительный, и по отношенію к будущему это во всяком случаѣ избавило бы Францію от того позора, который ею был пережит, когда Галиффэ и под руку с ним соціалист Мильеран вошли в Палату, которая должна была кричать ему «assassin» и «долой!» Вѣдь от этого как извѣстно он не пошел «долой», а гуляніе под ручку с Мильераном и значительной частью французских соціалистов продолжалось довольно долгое время. И вряд ли в этом фактѣ сказывается «существо классовой борьбы», здѣсь сказывается может быть просто нѣкоторый недостаток революціоннаго энтузіазма. Может быть, между тѣм, что Галиффэ не был убит, и тѣм, что он позже вошел в Палату под ручку с соціалистом Мильераном, — может быть, между двумя этими фактами есть нѣкоторая связь. Только в этой связи классовая борьба ни мало неповинна.

Тов. Борисов задал нам вопрос: «хорошо, пусть произошли террористическіе акты, пусть правительство разстроено, но кто этим воспользуется?» Ему представляется этот аргумент убійственным. Но тов. Борисов с одинаковым правом мог спросить это и перед дѣлом Боголѣпова и перед дѣлом Сипягина. Кто в эпоху Боголѣпова мог воспользоваться убійством Боголѣпова? Что тогда было в смыслѣ реальных сил, воспользовавшихся этой брешью? Кто был? Никто! Кто во время Сипягина мог воспользоваться этой брешью? Тоже никто. Так что, я повторяю, этот аргумент с одинаковым правом мог быть выставлен и тогда еще. Вы говорите: цѣль была другая: разбудить общество. Но сейчас разбужены всѣ, или многіе еще спят? Это большой вопрос. Я думаю, что многіе находятся в состояніи моральнаго столбняка, и в этом смыслѣ «разбудить» можно еще многих. И что значит «разбудить»? Вѣдь не говорим же мы здѣсь «разбудить» в том смыслѣ, в каком мы говорим о возможности разбудить пропагандой. Тот факт, что убійство Сипягина разбудило многих, остается фактом. Но как разбудило? Идейно? Или дѣло идет о том, чтобы будить боевое настроеніе? Я полагаю, второе. И теперь второе. Поэтому на ваш вопрос: кто воспользуется террористическим актом теперь,—я говорю: *тѣ же*, кто воспользовался и тогда, и таких «тѣх» сейчас не меньше, а гораздо больше.

Тов. Борисов говорит: террор скомпрометтирован безчисленными мелкими террористическими актами и экспропріаціями. Вот почему от него хотя бы на время нужно отказаться. Товарищи! Террор не больше скомпрометтирован, чѣм скомпрометтировано народное возстаніе, чѣм военныя возстанія, чѣм революція вообще. Неудачное пользованіе опредѣленным средством, не приводящее к результатам, всегда ведет к такому

внѣшнему скомпрометтированію. При успѣхѣ рукоплещут, при неудачѣ свистят. Но развѣ мы на этом основаніи можем отказываться от опредѣленнаго средства? Мы можем говорить только одно: мы должны его употреблять, научившись, как его надо употреблять и как не надо. Нам все время говорят, что революція скомпрометтирована. И в самом дѣлѣ, развѣ она не скомпрометтирована? А партіи развѣ не скопрометтированы? Может быть даже больше, чѣм террор, потому что партіи суть персональныя величины, потому что в террорѣ легче отдѣлить истинный террор от хулиганскаго пользованія им. И поскольку не аргумент против партій то, что они в глазах многих скомпрометтированы, постольку же это относится и к террору.

Тов. Борисов говорил еще: «не забывайте, что это были двѣ разных эпохи: была эпоха романтизма, но она уже прошла и больше не вернется, наступила другая полоса—холоднаго, даже мѣщанскаго разсчета». Однако в эту эпоху романтизма, возразил бы я, наряду с тѣми, кого называли революціонными романтиками, были люди, вообразившіе, что они суть идеологи и представители холоднаго, почти мѣщанскаго разсчета, — это герои мелкаго разсчета, это меньшевики. Правда, они тоже были романтиками, может быть они и сейчас являются романтиками, романтиками морально-политическаго мѣщанства... И я боюсь, как бы тов. Борисов не попал из одного романтизма в другой. Я конечно согласен, что много наивнаго утрачено в истекшій період революціи. Одно было бы только очень плохо, если бы вмѣстѣ со всѣм этим наивным,— или, если хотите, с этим романтизмом, — был бы потерян и *энтузіазм*. И когда этому романтизму с такой силой и таким увлеченіем, с такой поэзіей даже, противополагается лозунг «холоднаго, почти мѣщанскаго» разсчета, то я начинаю ощущать в душѣ нѣкоторое безпокойство. Я слишком часто слышал этот лозунг выставляемым против лозунга романтизма; и когда с одной стороны ставится романтизм, а с другой «почти мѣщанскій разсчет», и между этими двумя окошками третьяго не оказывается, то, я думаю, безпокойство являтся немного законным. Если же мы потеряли только романтизм, а не энтузіазм, то я скажу: для террора достаточно энтузіазма, и не нужно непремѣнно романтизма. А романтизма и романтиков морально-политическаго мѣщанства ни для чего не нужно.

Затѣм, товарищи, нам говорят: рѣшиться возобновить террор, даже в его наиболѣе рѣзких формах, можно конечно, но вѣдь есть другой вопрос, вопрос о том, что будет на завтрашній день послѣ крупнаго террористическаго акта, послѣ напримѣр удара в центр центров? Идя на такую вещь, нужно отдать себѣ полный отчет, что будет завтра, а если такого отчета не отдано, то или мы шарлатаны, которые обманывают других, или мы сумасшедшіе, которые обманывают самих се-

бя. На такую авантюру политической партіи со-слѣпа идти не полагается. Я совершенно подписываюсь под всѣми этими словами тов. Береславцева, но прежде, чѣм разсмотрѣть их по существу, я останавливаюсь на минуту и говорю: но позвольте, товарищи, одно из двух: или террористическіе акты не болѣе, как хлопушка, или это есть такое рискованное и чреватое громадными послѣдствіями дѣло, которое нужно 20 раз примѣрить прежде, чѣм отрѣзать. Я усматриваю здѣсь у вас нѣкоторое противорѣчіе, я вижу, что вы, начавши за упокой, начавши с того, что террористическіе акты теперь мизерны и ничтожны, кончаете за здравіе, кончаете тѣм, что по меньшей мѣрѣ в нѣкоторых своих проявленіях эти террористическіе акты есть нѣчто по послѣдствіям своим чрезвычайно крупное, и в случаѣ неудачи превращаются в самую рискованную авантюру, на которой Партія даже может погибнуть. Да, я с удовольствіем констатирую здѣсь это: не будем же больше говорить, что террор—хлопушка, иначе мы будем говорить то, во что, очевидно, сами не вѣрим. Нам в свое время говорили тоже самое соціалдемократы; но когда наступили эти акты, когда наступило дѣло Плеве и когда наступило дѣло Сергѣя, им не доставляло пріятности вспоминать свои слова про «хлопушку». Как бы нам, товарищи, тоже не пришлось испытать этого непріятнаго чувства. Вы говорите: «убійство Столыпина будет хлопушкой». Столыпина еще не убили, так что говорить можно что угодно. Но если уж идти на такія суб'ективныя построенія, то позвольте и мнѣ отважиться на одно, которое будет тѣм отличаться от ваших, что в основу его будут положены и нѣкоторыя об'ективныя данныя. Я припомнил бы хотя бы слѣдующій простой фактъ: Столыпин —автор разгона первой Думы, той Думы, с которой массы, даже достаточно слѣпыя, связывали множество надежд, и о которой сейчас даже в глухих мѣстах, даже темные мужики иногда вспоминают с чувством сожалѣнія. Столыпин—автор полосы военно-полевых судов; да если вы сосчитаете только число казненных и убитых, только число их самых близких родственников, знакомых и пріятелей, то вѣдь мы будем имѣть такую армію естественных пропагандистов для «использованія» террористическаго акта против Столыпина, которую вряд ли можно переоцѣнить. И если в свое время дѣло Плеве, сдѣлавшаго гораздо меньше зла, заставило морально выпрямиться такое количество народа, то я спрашиваю: оцѣниваете ли вы эту разницу, или вы оцѣниваете только ту разницу, что Плеве был убит до потрясающих событій, а Столыпин будет убит послѣ этих событій? И вот почему ваши слова о хлопушкѣ рискуют оказаться брошенными слишком легко и поспѣшно. Я бы не желал, товарищи, чтобы мы при разговорах в нашей собственной средѣ о таком оружіи, как террор, бросали такія слова, которыя потом нас могут заставить очень и очень раскаиваться.

И вот, товарищи, подводя итоги нашим по необходимости кратким преніям, и в частности обращаясь к вопросу о нападеніи на «центр центров», я скажу: непосредственная задача, стоящая сейчаспереднами, это вопрос о возстановленіи боевой дѣятельности и возсозданіи Боевой Организаціи. Я беру здѣсь Боевую Организацію не в кавычках, не как названіе, а беру сущность этого слова. Я бы пригласил вас не смотрѣть на дѣло с такой точки зрѣнія, что вот мы хотим сейчас, поскорѣе или не поскорѣе, «сдѣлать» Столыпина или «сдѣлать» царя, — нѣт! Мы хотим возсоздать, как нѣчто длительное и организованное, боевую дѣятельность, мы хотим сплотить имѣющіяся боевыя силы, мы хотим положить начало террористической кампаніи. Разсматривая положеніе вещей, я лично в болѣе конкретных чертах представил бы себѣ эту террористическую кампанію слѣдующим образом. . . . . .
. . . . . *)

Еще нѣсколько слов о способѣ веденія террористической борьбы с технической точки зрѣнія. Если мы, дѣйствительно, хотим серьезно вести террористическую борьбу, то это нас ко многому обязывает. Мы не можем мириться с тѣм, чтобы в области боевой техники вѣчно господствовали одни и тѣ же, раз найденные пріемы. Нельзя, чтобы здѣсь царствовала рутина. Примириться с этим — значит обречь себя на пораженіе. Террор есть разновидность вооруженной борьбы, разновидность войны. И как в международной борьбѣ обрекает себя на разгром страна, застывшая на извѣстном уровнѣ в военном дѣлѣ, так и в войнѣ внутренней. Наши способы веденія террористической борьбы должны стоять на высотѣ современной военной технологіи. А эта технологія не стоит на мѣстѣ. Когда то война велась упрощенно, столкновеніем лицем к лицу на сушѣ и на водѣ. Теперь война ведется и под землею, и под водою, а скоро будет вестись и над землею — в воздухѣ. Я уже не говорю о прогрессѣ в взрывчатых веществах и о возможностях дѣйствія на разстояніи. Что же? Неужели мы останемся безучастными зрителями этого техническаго прогресса, неужели он своими гигантскими шагами пройдет мимо нас, перешагнет через нас? Плохіе же были бы мы в таком случаѣ бойцы. Я не строю сейчас никаких воздушных замков, не предлагаю никаких прожектерских утопій. Я утверждаю лишь, что возстановить террористическую борьбу — это значит, между прочим, произвести ряд новых технических изысканій, имѣть для этого спеціальную техническую группу (или *группы*), стремиться утилизировать послѣднее слово науки для прикладных задач нашей борьбы. Террор будет *терроромъ* в дѣйствительном

*) Не подлежит опубликованію. Ред.

смыслѣ этого слова только тогда, когда он будет революціонным примѣненіем наивысшаго для даннаго момента техническаго знанія. Я понимаю, что такой высоты он не может достигнуть одним скачком. Но вѣдь я говорю не о завтрашнем днѣ, а о длительном процессѣ возрожденія нашего террористическаго дѣла. И я утверждаю, что либо мы должны поставить своею задачей поднять террор на необходимую высоту, либо не из-за чего и огород городить.

Такова постановка вопроса, дѣлаемая самой жизнью. Если правилен наш прогноз; если революція не кончена; если мы пережили только «пролог» ея; если начало наших террористических актов будет совпадать с началом общей нашей аггрессивной тактики, и если дѣйствительно в окружающей нас обстановкѣ имѣются элементы для наростанія новаго общественнаго под'ема, если все это вѣрно, то рѣшивши вопрос в смыслѣ продолженія террористической тактики, мы не ошибемся. Как видите, здѣсь для меня всѣ вопросы цѣпляются друг за друга. Если мы поставим своею задачею аггрессивную тактику, то мы выдвинем не только террор, а, напр., возстановленіе и военной работы, которая, вмѣстѣ с терроpом, есть могучее средство подрыванія защитнаго механизма правительства. И наоборот: пока мы не выдвинем всѣх этих видов аггрессивной тактики, пока на это у нас не хватит или рѣшимости, или сил — до тѣх пор мы будем переживать промежуточный, переходный період, вынужденный період политическаго прозябанія. Не знаю, суждено ли нам пережить его силою внѣшних тяготѣющих над нами условій; но знаю, что было бы ложно, даже преступно идти на него путем добровольнаго политическаго самооскопленія.

Вот то заключеніе, которое, мнѣ кажется, логически вытекает из наших преній.

Тов. Сѣверскій (заключительное слово). Когда я слушал рѣчь тов. Гарденина в ея началѣ, я думал: вѣдь он говорит все, что я хотѣл сказать по поводу послѣдних рѣчей! Когда он дошел до середины рѣчи, я думал: хорошо говорит тов. Гарденин, однако кое с чѣм можно и не согласиться. Но когда он кончал свою рѣчь, я уже думал только одно: хорошо же разсказывает сказки тов. Гарденин! — В самом дѣлѣ, развѣ не сказки то, что говорил он о технической постановкѣ террора в ближайшее время? Эта огромная система безупречных, послѣдовательных, до конца продуманных и оборудованных согласно послѣдним данным научной технологіи мѣропріятій; эта система предварительных «расчищающих» актов; эти дѣйствія на землѣ, под землей, на водѣ, под водой и даже на воздухѣ — развѣ это не чудная сказка.

Я размечтался, слушая тов. Гарденина; вѣдь и мнѣ улыбается *такой* террор, — но что из того, что я размечтался? Вѣдь я хорошо знаю, что *сейчас* такая постановка — просто

невозможна, и мнѣ не легче от того, что тов. Гарденин мыслит развитіе террора так смѣло, так строго и послѣдовательно, так многосторонне, но... не для данной минуты!

Но сначала надо обратиться к ораторам, говорившим раньше. Мнѣ трудно было сразу выпукло выяснить свою точку зрѣнія перед вами. Вѣдь я *начинал* пренія о терроръ, да еще начинал, боясь той молчаливой силы сопротивленія, которая была очень велика на этом собраніи и которая, конечно, меня смущала.

Теперь я могу рѣзче оттѣнить свою точку зрѣнія, благодаря тому, что высказались сторонники *полнаго* прекращенія террора, добавившіе к моим аргументам ряд новых, которых, как будто бы, мнѣ не хватало.

Я думаю, что мнѣ нельзя было бы воспользоваться этими аргументами, за исключеніем аргумента моего содокладчика тов. Борисова, о котором я теперь с удовольствіем упомяну; он отмѣтил одно: теперь, говорил он, наступил *новый період*, період точных политических разсчетов при оперированіи всяким орудіем борьбы, в том числѣ и террором; ибо правительство организовалось, а старый період, період романтики терроризма, період поэзіи террора — прошел безвозвратно. Террор больше не вызовет того восторга и энтузіазма, какой он вызвал впервые, — и теперь может быть только орудіем разсчета, но не орудіем «будированія». Я с удовольствіем принимаю такой аргумент, хотя и не думаю, чтобы он был аргументом за полное прекращеніе террора.

Другіе аргументы, помоему, так же любопытны и характерны, но для меня они, конечно, непріемлемы. Я говорю здѣсь о двух рѣчах, варьирующих концепцію «классовой борьбы» и выставляющих ее в видѣ «новаго момента», — это рѣчи тов. Береславцева и тов. Воронова.

Тов. Береславцев, заинтересованный особенно сильно выясненіем нашей классовой точки зрѣнія перед лицом международнаго соціализма, чутко слѣдящій за эволюціей Партіи, которая из маленькаго боевого коллектива, не совсѣм еще ясно представляющаго себѣ свое собственное значеніе в общемировом движеніи, превращается в большую политическую Партію, физіономія которой должна быть вполнѣ опредѣленной не только для нея самой, но и для других,—ставит вопрос ребром: «первую свою задачу Партія выполнила; массы разбужены; самодержавіе и классы, тѣсно связанные с ним, сорганизовались, как класс; — может ли теперь Партія считать, что и тактика, в связи с выполненіем первой задачи, тоже должна быть измѣнена?» Лицом к лицу два организующихся класса, в борьбѣ которых террор, по мнѣнію тов. Береславцева, будет пережитком. И он требует отмѣны террора в угоду той концепціи «классовой борьбы», которая принята большинством соціалистических партій — членов интернаціонала.

Я понимаю тов. Береславцева. Он давно участвует в выработкѣ міровоззрѣнія Партіи, он представляет ее с честью в Международном Бюро, и сму дорого *опредѣленное* воззрѣніе на классовую борьбу в Россіи в настоящее время. Он требует от Партіи формулировки такого воззрѣнія, знакомя и ее со своей личной точкой зрѣнія.

Мнѣ представляется, что эта точка зрѣнія тов. Береславцева есть перегиб палки в нсэсэровскую сторону, ибо до сих пор я отличал воззрѣніе с.-р. на борьбу за соціализм от *всѣх* извѣстных мнѣ *иныx* воззрѣній на эту борьбу, как отличал *интегрализм* нашей концепціи борьбы от *примитивизма* всѣх иных концепцій и особенно от примитивизма ортодоксов-«классовиков».

Тов. Воронов, типичный апологет концепціи классовой борьбы в ея чистом и безупречном, как россійская соціальдемократія, видѣ, — тоже спрашивал нас: не прошла ли уже пора террористических кампаній; больше того, он (отчасти с полным правом!) спрашивал, не прошла ли она уже давно, давно?

Я с грустью отмѣчаю эту тенденцію к примитивному, наивно-марксистскому «классовизму» без оговорок. Нѣсколько дней тому назад на наших засѣданіях особенно ярко выявилась эта печальная тенденція. Дѣлались доклады с мѣст о впечатлѣніи, произведенном в Россіи дѣлом Азефа, и почти всѣ докладчики считали своим долгом, сообщив о тягостном впечатлѣніи, произведенном на интеллигенцію, тут же всячески третировать ее, эту «развинченную», «размагниченную» и вобще ненавистную им интеллигенцію. И наоборот, утѣшали нас тѣм, что на крестьянина и городского рабочаго дѣло Азефа совсѣм не подѣйствовало, точно его и не было, и здѣсь попрежнему к Партіи С.-Р.—и любовь и довѣріе. Особенно подчеркивалась ненависть к «неработающим» (понятно попевольѣ!) интеллигентам тов. Украинцем. Не менѣе оригинально докладывал и типичный крестьянскій махаевец тов. Грѣхов (смѣх).

Да, я замѣчаю здѣсь печальное явленіе: потерю синтетическаго чутья, — геній синтеза оставил нас, и в результатѣ, все то же разбитое корыто, примитивныя исторіософскія построенія, — слишком простое пониманіе, слишком несложное толкованіе явленій.

Часть из этих примитивистов, устрашившись дисгармоній террора, стали искать успокоснія в трафаретных концепціях. «Вѣдь класса бомбами не перебьешь, — говорят они, — зачѣм же террор?»

Тут с Партіей совершается та же метаморфоза, какую пережил историческій человѣк с его наивным антропоцентризмом, а затѣм с обратной крайностью —космизмом. Было время, когда Партія С.-Р. стояла со своим активным террором в центрѣ движенія, возникшаго в странѣ, — и она была на-

ивно эгоцентричной, думая, что она всему виной и, в частности, что террор всему виной. Но вот класс-враг сплотился и надѣл непроницаемый панцырь, и она осталась безсильной со своим старым террором, и ея члены, товарищи Береславцевы и Вороновы превращаются в наивных космистов, подавленных внѣшними силами, против которых ничего не подѣлаешь боевым активизмом, террором.

Но фактически мыслима была бы уже и сейчас, да и раньше, третья позиція Партіи, считающей себя главным *сознательным* элементом среди массы элементов несознательных в общем стихійном движеніи, — *организующим* это стихійное движеніе, *зная его*. Партія, горячо борющаяся за свои идеалы, должна однако быть холодно разсчетливой, не считая ни себя центром всего, ни внѣшній мір владыкой всего, но учитывая и себя, и все во внѣщнем мірѣ, как равноправные творческіе комплексы-факторы, дающіе все многообразіе жизни.

Вот этой, совсѣм не новой для нас, но здѣсь немного обновленной точки зрѣнія я и держался, дѣлая свой доклад. Держался ея и тов. Гарденин, но выводы его с моими не совпадают.

Я уже перестал считать Партію главным «возбудителем» революціи, «Партіей революціоннаго дѣйствія по преимуществу». Полагаю, и другіе смотрят на нее не иначе. Но таким образом, я и террор не могу считать главным дѣлом Партіи и главным «возбудителем» революціи. Я хотѣл бы считать Партію отнынѣ *руководителем* революціи, а террор не будирующим средством, а солиднѣйшим орудіем для руководства революціей, но не для безцѣльнаго возбужденія ея, ради возбужденія. Слава богу, она уже достаточно «возбуждена». Не то думает тов. Гарденин. Всѣми своими иллюстраціями он хочет сказать другое. Он нам все указывает на замѣчательные акты над Плеве, Сипягиным, Боголѣповым. Когда мы отвѣчаем ему, что вѣдь всетаки теперь не 904-5-ый годы, что надо же отличать нашу эпоху, эпоху послѣреволюціонную, от эпохи предреволюціонной, — он мало смущается. Он обращает наше вниманіе тогда на другія эпохи, на эпоху перед II Думой, когда уныніе быстро превратилось в живой восторг послѣ 4-х знаменитых актов... Я считаю всѣ эти иллюстраціи тов. Гарденина методологически крайне неудачными и в этом смыслѣ его первую отвѣтную рѣчь не опровергающей мои доводы. Вѣдь не мнѣ же учить тов. Гарденина, что исторія пишется только один раз. Современные естествоиспытатели говорят, что «природа бывает только раз», что же и говорить про исторію?!

Вот совершенно нельзя подкопаться под иные аргументы тов. Гарденина, и тут я его считаю неуязвимым. Он говорит: primum agere — а затѣм увидим, что из этого выйдет. Он говорит: «вѣдь вы же не можете доказать, что акт в отношеніи Столыпина не вызовет движенія, не можете потому, что

не знаете *из опыта* аналогичнаго случая. А я вот утверждаю, что движеніе будет, — да еще какое! Тоже и в отношеніи цареубійства!» Дѣйствительно, что скажешь против того, когда *опыта в аналогичных условіях* не было! Я вот думаю, что даже от цареубійства сейчас ничего, кромѣ сквернаго анекдота, не вышло бы, а тов. Гарденин от убійства Столыпина ожидает всего, чего хотите. Но если тов. Гарденину позволено надѣяться, то и мнѣ позволено сомнѣваться. Мы оба здѣсь одинаково неуязвимы, ибо тов. Гарденин *тоже не имѣет еще опыта в аналогичных условіях* и моих, «от ума» идущих, сомнѣній опровергнуть не может.

Я, конечно, немного преувеличил. Цареубійство с двумя тремя большими ударами, пожалуй, встряхнуло бы Россію. Но, во-первых, — что за толк из такого встряхиванія без послѣдствій и, во-вторых, — вѣдь чудныя сказки тов. Гарденина — всетаки только сказки, а на дѣлѣ вмѣсто цареубійства и больших ударов реальная «боевая организація» (а не сказочная) преподнесет нам по торопливости пяток-другой ничего незначущих актов *и еще больше обезцѣнит террор*. Вѣдь сам тов. Гарденин признал, что мелкіе акты и эксы недавняго времени «уменьшали силу террора». Не «уменьшат ли силу террора» и тѣ акты, весьма для меня сомнительные, которые *сможет* совершить организація сейчас, при тѣх силах, которыя у нас имѣются? Не будет ли вмѣсто сказочнаго надземнаго, подземнаго, подводнаго, воздушнаго и иного террора просто нѣчто самое земное? Но тов. Гарденин *вѣрит* в наидучшія послѣдствія от террора сейчас — и что мы можем ему возразить? Мой содокладчик (Борисов) уже отмѣчал, что не мѣшало бы в сужденіи о значеніи актов в данное время уяснить себѣ до мелочей историческую и взаимную зависимость самых разнообразных факторов и обстоятельств, их взаимное и послѣдовательное вліяніе друг на друга. И не пытаясь вовсе доказывать, ибо это значило бы ломиться в открытую дверь, я просто констатирую здѣсь слѣдующее: у тов. Гарденина в его выкладках совсѣм нѣт этого самаго историческаго прагматизма, котораго требует тов. Борисов, или если и есть, то очень мало. Зато у него maximum прагматизма философскаго, самаго современнаго, — и тут он дѣйствительно безупречен, неопровержим! «Сначала поставим террор, а там вы увидите, что получится!» Дѣйствительно, увидим... Я, думаю однако, что со своим великолѣпно-оборудованным терроромтов. Гарденин витает гдѣ то в теоретических облаках и настаиваю только на одном: чтобы он хотя одной своей ногой стал на практическую землю... (Голос Береславцева: «Вы требуете от него невозможнаго!»)

Он выставил против меня и частные аргументы, один из которых на все собраніе и на меня произвел очень сильное впечатлѣніе. «Если мы прекратим сейчас террор, — говорил

он,—то тѣ, кто уже давно проповѣдуют «черный передѣл» в Партіи, воспользуются случаем, чтобы дѣйствительно произвести этот передѣл и, об'явив нас просто культурниками, оттянут от нас всѣ боевыя, активныя силы». На это я отвѣчу слѣдующее: если наши «активныя и боевыя» силы таковы, что неспособны понимать того, *почему* пріостанавливается террор в ту или иную эпоху, если их активизм состоит в том, чтобы дѣлать нетерпѣливыя попытки, а боевизм в том, чтобы даже со скверными бомбами выступать на единоборство,—то нам давно пора сдѣлать «черный передѣл». Я не думаю, однако, чтобы *таков* был наш боевизм. И поэтому я не боюсь никаких чернопередѣльцев, и аргументу тов. Гарденина дѣлаю отвод, хотя, повторяю, сначала он меня нѣсколько озадачил.

И еще нападал на меня тов. Гарденин. В своей первой рѣчи он говорил: «тов. Сѣверскій, говоря об одностороннем переутомленіи психики русскаго человѣка, не замѣтил главной односторонности: вѣдь односторонность тут не от пролитія крови вообще, и тѣм болѣе не от революціоннаго террора, ибо его уже нѣт полтора года, а односторонность тут от односторонняго правительственнаго террора, которому нѣт отпора. Вот противопоставьте им ваш центральный террор — и всякій гипноз, всякая подавленность, всякій столбняк пройдет». Я, пожалуй, и в самом дѣлѣ не особенно внимательно остановился над тѣм, что со стороны правительства террор в послѣднее время гораздо сильнѣе, чѣм со стороны революціонеров. Да, на фонѣ общей переутомленности от обезцѣненія жизни вообще, мы имѣем еще настоящій столбняк всѣх, особенно потерпѣвших от силы правительственнаго террора, глубокій гипноз казнями. Но как с этим гипнозом бороться? Мнѣ извѣстно, что загипнотизированнаго будят, вызывая каким либо образом большое потрясеніе его организма, и т. д. Может ли террор, который сейчас Партія «противопоставит», встряхнуть столбняк масс? Сконцентрированный и интенсивный — сможет, но экстенсивный и несистематическій — не сможет. Чѣм же поручится тов. Гарденин, что террор, который Партія *может* сейчас поставить, будет не экстенсивным? Так как я не вѣрю в возможность постановки в ближайшее время интенсивнаго и концентрированнаго террора, то я и предлагаю «антракт», дабы, собравшись с силами, осуществить на дѣлѣ все, что разсказывали нам в сказках. А торопливость только испортила бы дѣло.

Для меня не важно, как вы назовете антракт. Назовете ли вы его «пріостановкой», скажете ли вы, что вы рѣшили подготовить полосу сильнѣйшаго террора и что пусть поэтому ваши друзья не ждут от вас в ближайшее время боевых сигналов, но что эти сигналы всетаки будут. Для меня важно, чтобы не было недоумѣнія среди наших друзей. Для меня важ-

но, чтобы они непремѣнно были информированы о томъ, почему вы не бьете врага сейчасъ и собираетесь ли его бить потомъ, когда это будетъ выгодно. Иначе, если вы об'явите о своей рѣшимости терроризировать врага, а у самихъ васъ ничего не выйдетъ, то получится то же глухое недовольство вами, какое я наблюдалъ въ Россіи въ послѣднее время. Вѣдь многіе васъ считали сознательно и молча превратившимися въ террористовъ, ругали же васъ за то, что вы такъ «надували народъ». А если вы скажете, не умолчите, почему въ ближайшее время не можетъ и не должно быть террора,—васъ никто не посмѣетъ упрекнуть.

Заканчиваю. Какъ видите, я *не* отказываюсь отъ террора, какъ другіе. Но кое отъ чего я все-таки отказываюсь. Я отказываюсь и отказываюсь навсегда отъ террора—несдержаннаго рефлекса, отъ террора мечтательнаго, романтическаго. Довольно размахивать руками. Терроръ — несдержанный-рефлексъ пусть умретъ. Терроръ разсчетливый, холодно-разсчетливый, начинающій *органическія движенія* и тѣсно связанный съ ними, терроръ сосредоточенно-вдумчивый да живетъ! Но сказки послѣ, а сейчасъ перерывъ для органической подготовки террора, который начнетъ послѣднюю полосу революціи. Перерывъ потому, во-первыхъ, что нельзя мыслить себѣ постановку интенсивнаго террора въ короткій срокъ и потому, во-вторыхъ, что лучше сохранить средства и людей для большаго террора, чѣмъ безполезно ихъ погубить, размѣнивая на мелкіе акты.

Мы не вносимъ никакой резолюціи, ибо знаемъ, что мы въ меньшинствѣ. Я прошу просто проголосовать вопросъ о временной пріостановкѣ террора съ тѣмъ, чтобы не торопливо, но цѣлесообразно организовать его и изъ террора будирующаго превратить въ терроръ руководящій!!

Тов. Предсѣдатель. Пренія закончены. Я ставлю на баллотировку вопросъ въ самой общей формѣ: кто стоитъ *за* пріостановку террора и кто *противъ* пріостановки?

(Голосованіе производится поименное): *)

Тов. отъ Сѣверн. Обл. — *за* пріостановку, Южн. Обл. — *противъ*, Волга—*противъ*, Заграница—воздерживается **), Украина — *противъ*, Представитель Партіи въ Международномъ Бюро — воздерживается по формальнымъ основаніямъ, но его мнѣніе *за* пріостановку, Русскій Коллективъ — *противъ*, Кавказъ — *противъ*, Центральный Комитетъ — воздерживается по формальнымъ основаніямъ, но мнѣніе его *противъ* пріостановки, Петер-

---

*) Въ виду важности вопроса произведено было также голосованіе съ участіемъ всѣхъ присутствующихъ, которое дало слѣдующіе результаты: за пріостановку — 4, противъ — 12, воздержалось — 3.

**) Делегація Загр. Орг. заявила, что не считаетъ себя вправѣ пользоваться рѣшающимъ голосомъ въ такомъ вопросѣ. Мнѣніе же Загр. Орг. извѣстно: она стоитъ за продолженіе террористической тактики.

6 — *против*. Итого значит: 1 — *за*, 6 — *против*, 3 — воздержалось.

По просьбѣ т. Бер[illegible]ьева голосуется нижеслѣдующій проэкт его резолюціи о терроръ:

«Принимая во вниманіе, что глубоко измѣнившіяся условія революціонной борьбы соціалистическихъ партій требуютъ пересмотра вопроса о цѣлесообразности тѣхъ или иныхъ формъ боевой тактики, въ частности формы террористической;

«что только партійный сѣздъ могъ бы всесторонне разсмотрѣть и рѣшить этотъ вопросъ послѣ обсужденія его въ партійной литературѣ;

«что при настоящихъ условіяхъ необходимо прежде всего [illegible] и укрѣпить расшатанную организацію Партіи;

«что V-ый Совѣтъ можетъ дать настоящему центральному комитету лишь ограниченныя полномочія;

«что въ этихъ условіяхъ не можетъ и быть рѣчи о террористическихъ актахъ отъ имени Партіи.

«Совѣтъ заявляетъ, что Боевая Организація, распущенная Ц. К., остается и впредь до ближайшаго С'ѣзда распущенной».

За эту резолюцію — 0, противъ — 6, воздержалось — 2.

Тов. Гарденинъ. Центральный Комитетъ воздерживается по формальнымъ основаніямъ.

Тов. Андреевъ. Я не принималъ участія въ голосованіи.

Тов. Береславцевъ, представитель Партіи въ М. С. Б. Я воздержался по формальнымъ основаніямъ, но я, конечно, *за* свою резолюцію.

Тов. Предсѣдатель. Закрываю засѣданіе. Послѣ перерыва будетъ поставленъ вопросъ объ организаціи террора.

Слѣдующее, 16-ое засѣданіе Совѣта было посвящено преніямъ по организаціонному вопросу въ терроръ и выработкѣ резолюціи. Ни резолюція, принятая единогласно, — Ц. К. воздержался по формальнымъ мотивамъ, — ни преніе оглашенію не подлежатъ. Въ концѣ засѣданія была выбрана конспиративная комиссія для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ конкретныхъ террористическихъ предложеній.

Кромѣ того по предложенію тов. Андреева большинствомъ 5 голосовъ при 4 воздержавшихся, были отмѣнены ограниченія, наложенныя II С'ѣздомъ Партіи на боевую дѣятельность Областныхъ организацій. Теперь, по рѣшенію Совѣта, «боевые отряды при областныхъ комитетахъ не нуждаются въ санкціи Ц. К. для своихъ дѣйствій террористическаго характера».